

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клуб "Юніонъ"

состоится

Анонсъ

состоится

только

възальновой биржи

въ этомъ домѣ в стражѣ

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

визиты организуются

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

Составляя для иностранных читателей

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (61)

Март. 2006 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Все
на выборы!

26 марта в Украине выборы. И нет сейчас телеканала, газеты, журнала, где бы этой теме не были посвящены дебаты, полемика, комментарии, прогнозы. Сливается черный пиар, выясняется, существует ли пиар "белый".

Признаюсь, очень хотелось избежать этой темы. Но от жизни убежать нельзя. Даже фотография любимого мной скульптора Михаила Ревы рядом с созданным им "Древом любви" в Горсаду, заказанная мной же на первую полосу, тоже выполнялась на открытии скульптуры в ходе пиар-акции одной из партий. Так что сегодня куда ни оглянешься, кого ни послушаешь, все говорят и думают о выборах.

И правильно делают. От того, какой мы сделаем выбор, зависит жизнь наших детей, близких, собственное ощущение самодостаточности. Мы выбирали уже не раз. Делали ошибки. На них нужно учиться. Пятнадцать лет свободы должны быть осмыслены и поняты.

Думаю, ни у кого не вызывает сомнения, кто будет избран мэром Одессы. Но как важно, чтобы партии, которым доверяют одесситы, представляли их в Верховной Раде, облсовете, горсовете.

Мы все разные. Но нас объединяет Одесса. Думая о нашем городе, о всей Украине, мы должны голосовать.

Все. Именно все. Ибо выбирается не отдельно взятый политик, не отдельно взятая партия, а наше будущее.

Важен каждый голос, каждое мнение.

И поэтому 26 марта не отсиживайтесь дома!

Все — на выборы.

Сообщите, пожалуйста, мне на электронный адрес координаты сайта Александра Викторовича Дорошенко. Очень понравились его зарисовки. Интересно было бы посетить его сайт. Заранее спасибо.

Цина
kerrydomino@mail.ru

Ищу одесситов!

Классный сайт! Узнала о нем от вашего земляка одессита Евгения Кричмара, ныне живущего в Лос-Анджелесе. Живу в Берлине. В Одессе жила с 73-го по 82-й гг.

Татьяна Чуева, Миша Крутик, Елена Доценко, Светлана Дудина — дорогие моему сердцу люди. Помогите их разыскать! Моя фамилия до замужества — в e-mail. Заранее благодарна.

С уважением, Маргарита Логина
ritavirc@mail.ru

Поддержите земляков

Дорогой наш Клуб! Уважаемая Талина Владимирская!

В воскресенье, 19 февраля, в Тлоронто, в ресторане "Амлет" состоится традиционная встреча одесситов, живущих в Тлоронто. Девизом встречи и одновременно эпиграфом станут написанные мною три четверостишия. По поручению Оргкомитета встречи обращаюсь с просьбой: поддержите земляков, пожалуйста! Примите нам от нашего Всемирного клуба приветствие из родной Одессы-мамы! Это сюрприз, который оргкомитет встречи хочет преподнести одесситам, живущим в Тлоронто.

После проведения нашей встречи мы пошлем Клубу свой отчет о прошедшем веселье и попросим принять наше землячество в Тлоронто в состав Всемирного клуба одесситов, чтобы Юморину-2006 первого апреля провести уже в новом статусе и с представителями Клуба у нас, в Тлоронто.

Заранее спасибо за поддержку!

От имени Оргкомитета,
Марк Лабок
marklabok@mail.ru

Спасибо за ваш сайт! Очень мне все тут понравилось, особенно раздел песен.

Я жила в Одессе первые четыре года, но к сожалению, ничего, кроме моря не помню. Безумно люблю этот город и очень сожалею, что никогда не смогу вернуться.

Цвети, моя Одесса, цвети и расцветай!

Настёна

Замечательная новость!

Наконец-то появился долгожданный адрес московского клуба. Вдруг да соберутся московские одесситы! Это будет классно!

igmarjel@rambler.ru

Живу в Москве. Закончила ОИИХ в 1979 году. Морозова (Ильина — дев.). Хочу принять участие в работе московского отделения клуба одесситов.

Морозова Любовь
infuzoriya@list.ru

Я, Анна Друтман, бывшая одесситка, в настоящее время проживаю в Германии и являюсь сотрудницей типографии Newsprint Media GmbH.

Прочитала несколько номеров вашей газеты и стала ее поклонницей. Хотела бы, чтобы "Всемирные одесские новости" лучше узнали в Германии. "Одессит" — это навсегда, и нам безразлично, что делает и чем живет наша родина.

Могу обеспечить печатание и распространение газеты в Германии. Прошу вашего разрешения.

С уважением,

Анна Друтман
g.drutman@newsprint-media.com

Леонид! Спасибо за поздравление. Желаю вам здоровья и успехов. Благодаря вашей работе не существует ни расстояний, ни разлук.

Маринам Бореико
beremar@msn.com

Хороший сайт!

Я очень хочу узнать, кто сделал этот сайт, а точнее — где он сделан. Этот сайт очень полезен для людей, которые проживают за пределами нашего любимого города, и тем людям, которыми этот город действительно важен. Я посмотрел записи гостевой книги и удивился, что так много людей, чехавших из Одессы, до сих пор помнят наш славный город.

Всем удачи!

Twister
twister90@bk.ru

Простите, ради Бога, за беспокойство. Меня зовут Юлия, и у меня к вам чуть-чуть странная просьба.

Я в детстве с мамой жила в Одессе на улице в центре, рядом с Главпочтамтом. Мама моя работала журналисткой в газете, которая, по моему, называлась "Знамя коммунизма". Она дружила с Нелей Некрасовой, которая тоже работала в этой же газете, и с ее мужем, Вадимом Авлошенко.

Я тут вдруг наткнулась на рассказ Вадима, который был вами опубликован во Всемирном клубе одесситов, и очень захотела связаться с Вадимом и Нелей (и еще у них был сын Максим, чуть-чуть помладше меня).

Леонид, не могли бы вы мне подсказать, как найти Вадима или Нелю? Может быть, у вас вдруг есть их адрес, телефон или e-mail. Я была бы вам безумно благодарна за помощь!

Всего вам самого доброго, и еще раз простите за вторжение.
Юлия Хьюсен
ura@imsa.edu

Безумно рад, что в скитаниях по Сети нашел этот сайт. Учился в мореходке на Канатной с 1964 по 1968 год, с тех пор не могу забыть город у одесситов. В те годы любил стихи И. Радченко. А сейчас не могу их найти в местных библиотеках. Может, кто подскажет, где можно их скачать?

Иван Пляжкороб
ABSeameh@mail.ru

Леня, большое спасибо за все новости! Вы единственный, с кем у меня такая надежная связь в Одессе. Я имею в виду, что у всех моих друзей проблемы то с интернетом, то с телефонами, и это очень огорчает, особенно когда хочется что-то немедленно сообщить и услышать что-нибудь в ответ. Это такая радость — получить весточку из Одессы! Я, честно говоря, скучаю. Но не по теплой и солнечной, а задумчивой, по-осеннему зимней Одессе со скользкими от дождей антеннами ветвей, направленными в гущу тяжелого глинистого неба, из которого лепятся ренессансные дворцы и небывалые пейзажи... Это Одесса моего детства и юности, Одесса, в которой все и всё еще живо и движется навстречу туманному будущему. Так что, спасибо вам за этот мостик, который в любую минуту связывает меня с самым дорогим...

Всего самого доброго!

Вера Зубарева
Филадельфия

Меня!

Тебя приветствует Миша Лущер. Надеюсь, что помнишь такого. Еще вчера даже не предполагал, что буду писать тебе.

Я живу сейчас в Сан-Франциско. Было бы здорово, если бы два седых, 70-летних одноклассника встретились в Америке. Я прямо вижу как мы сидим с тобой за столом и вспоминаем, вспоминаем...

Естественно, до сих пор чувствую себя одесситом, и одесские сайты в интернете для меня самые дорогие. А уж ссылку на Евгения Толубовского не счесть.

Здесь у нас выходит газета "Одесский Листок". С ней активно сотрудничает мой брат Давид. Возможно, что тебе будет интересно взаимное сотрудничество — получать информацию из Штатов, что называется, из первых рук, может быть, перепечатывать что-нибудь или публиковать дайджест. В свою очередь, одесский корреспондент О.Л. с твоего любезного согласия, мог бы посещать заседания Всемирного клуба одесситов, публиковать какие-то материалы в дополнение к постоянной рубрике "Как живется тебе, моя Одесса?". Ты можешь общаться с членом редколлегии О.Л. Семеновым Лившиным, издателем газеты, твоим тезкой Евгением Берзоном, моим братом, а также и со мной. Буду очень признателен, если найдешь несколько минут, чтобы ответить.

Михаил Лущер
Сан-Франциско

Меня зовут Юрий, я из Орла (Россия). Очень прошу вашей помощи. Мне нужно выяснить все, что касается фотостудии "К. Мильманов. Одесса" (начало 20 века). Я ищу портретов своих родственников. Если чем-то можете помочь — тогда рада! Может, у вас есть информация о краеведах или фотографах Одессы (или там)?

С уважением, Юрий
yurta65@mail.ru

Спасибо вам за интереснейшую книгу о Маботинском!

Прочел на одном дыхании.

Игорь
igmarjel@rambler.ru

Добрый день!

Я хотела узнать, есть ли связь Луи Дрейфуса с Альфредом Дрейфусом. Я замужем за правнуком двоюродного брата Альфреда Дрейфуса. Мы хотели (если можно) найти родственников.

Вся семья в ожидании ответа.
Большое спасибо,

Руты
adi1610@bezeqint.net

Письма с сайта
www.odessitclub.org

Евгений НОВИЦКИЙ, Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

ПРЕДЫСТОРИЯ ОДЕССЫ

----- Предисловие и глава из новой книги -----

Женя, Джон, Джонни

С Женей Новицким мы познакомились осенью 1970 года, когда он только поступил в университет, сблизилась едва ли не с первого взгляда и продолжали дружить всю жизнь. Откуда-то у него появилось "домашнее" имя "Джон" — так его стали называть почти все его любящие друзья (и недоброжелатели). Общаться с ним было необычайно весело и симпатично — это могут подтвердить все, кто его знал. Джон как никто умел превращать жизнь в праздник. Умел вовремя и как-то ненавязчиво помогать и выручать. У него был какой-то Божий дар умения дружить. Наверное, в этом и был секрет его обаяния — неизменная веселая доброжелательность, оптимистичная небрежность, блеск высказываний и поступков, парадоксальное остроумие. В самых печальных обстоятельствах он ухитрялся оставаться неунывающим, веселым и жизнерадостным.

Не менее радостно и приятно было с ним работать — он всегда ухитрялся превращать любое занятие в веселый праздник. В археологических экспедициях это проявлялось особенно ярко. Как он пел под гитару у костра! Какой успех у дам! Все восхищались и завидовали. А как виртуозно он умел копать! Как он "видел" землю! Многие археологи любят кичиться тщательностью и "чистотой" раскопных отвалов. Однажды, будучи в гостях на одном из античных памятников, ранним утром и не в самой спортивной форме (т. е. с дикого перепоя) мы подошли к такому многократно просмотренному отвалу. Джон небрежно и лениво наклонился, поднял комочек земли, помял его в пальцах. И... у него в руках оказалось свернутое письмо на свинцовой пластине — редчайшая находка во всей античной археологии Причерноморья. Никогда не забуду лица начальника экспедиции.

В науке Джон был не менее блестящ. Уже в студенческие годы проявились его редкое для археолога "герменевтическое" чутье, острая приметливость, великолепная искусствоведческая интуиция и удивительный талант истолкователя древних культурных смыслов. Наверное поэтому он до многих вещей, которые сейчас считаются очевидными, додумывался первым. В дипломной работе о наскальной живописи эпохи палеолита он первым обратил внимание на то, что на ранних этапах древние художники не различали синий и зеленый цвета. И проследил, как именно в последующем эволюция цветного зрения у человека способствовала его становлению как homo sapiens и победе в межвидовой борьбе.

Исчезновение или вырождение наскальной живописи в эпоху мезолита являлось научной загадкой. Е. Новицкий первым сумел увидеть изображения животных в геометрических микролитах той эпохи — кремневых наконечниках стрел, скребках, ножах и др. А в таинственных и, казалось бы, совершенно бессмысленных трапециях — символические головки быков. Так ему удалось внятно объяснить отсутствие наскальной живописи в эпоху мезолита — она просто переродилась в иной вид искусства — схематическое изображение животных было воплощено в самих орудиях труда.

Такие же головки быков — так называемые букрании — он увидел и в камнях кромлехов, обрамлявших по периметру насыпи курганов эпохи энеолита-бронзы. В самих кромлехах и рвах вокруг этих насыпей он первым увидел змей, свернувшихся в кольцо. Его дару такого видения поразились коллеги. "...К нам пришел мой давний товарищ, одесский

археолог Джон — Евгений Новицкий, — пишет доктор исторических наук Е.В. Яровой в книге "Мистика древних курганов". — Как обычно, он приехал на велосипеде, потратив полтора дня на дорогу. Человек увлеченный и прекрасно знающий древнюю идеологию, он всегда давал интерпретацию новым находкам и зачастую приходил к неожиданным научным выводам. Именно он несколько ранее обратил внимание на зооморфные камни в кромлехе и первым определил их как букрании — каменные изображения быков".

В стелах — каменных изваяниях скотоводов ямной культуры — он (также первым) истолковал изображения человеческих стоп, объяснил выемки, насечки на них как точки акупунктуры, которыми и сегодня пользуются в практике лечебного иглоукалывания. Он же первым определил значение изображений посохов и стоп-сандалий как сакральные символы и неперенные атрибуты достижения "того света", тридцатого царства, когда после посещения мира умерших посох превращается в знак и символ власти. А изображения позвоночника, ребер, лопаток, копчика-хвоста интерпретируются как знаки аскезы, принятие которой характеризует подвижничество человека для обретения высшего знания и связи с миром высших существ.

Все эти идеи (а их вполне можно назвать и открытиями) были опубликованы в серии статей, обобщены в кандидатской диссертации (Ленинград, 1986) и монографии (1990) в виде стройной и совершенно оригинальной концепции развития первобытного искусства и идеологии. Она производила сильное научное впечатление. Возможно, поэтому его одесские "товарищи по археологическому цеху" высказывались о его семиотических идеях пренебрежительно и иронично, считали их надуманными и даже высмеивали. Но — только за глаза. Зато, как это часто бывает в жизни, после Жениного отъезда в Америку его концепция стала считаться самоочевидной. А ее автора постарались забыть. Ока-

завшись "бесхозными", его идеи прямо "заимствовались" академическими "коллегам" без всякого упоминания автора.

В археологической среде Одессы 1970-80-х гг. Джон, несомненно, выделялся своей одаренностью. Многие ему завидовали, раздражала "легкость", с которой ему все удавалось. Возможно оттого его никогда не брали на "престижную" археологическую работу. Только временно: летом — рабочим или лаборантом в экспедиции, зимой — экскурсоводом. Поэтому в археологии он "считался" дилетантом. Поэтому же и его статьи со скрипом принимались в академические издания. Женя вынужден был работать кем угодно: дворником, грузчиком, страховым агентом, учителем, кружководом в районном доме пионеров. Забавно — он оставался талантливым и смешливым на каждом из этих порщ. Его обожали рабочие и административные ЖЭКи, руководители народного образования. А кандидатскую диссертацию по археологии Женя защитил под овации в престижнейшем ученом совете в Ленинграде, работая тогда сантехником в одном из одесских ЖЭКи.

В умении организовывать археологические экспедиции Джону просто не было равных. И в 1988 году научная судьба как будто попыталась ему улыбнуться — удалось создать при Управлении культуры облисполкома Одесский охранный археологический центр, руководителем и душой которого стал Евгений Новицкий. Ему удалось оживить тусклую археологическую жизнь Одессы — в считанные месяцы центр окреп и мощно заработал. Были проведены масштабные археологические разведки и раскопки, начаты археологические исследования Измаила, открыта переправа у с. Орловка, налажена система археологической экспертизы и охраны памятников в Одесской области. Он же инициировал и организовал проведение первых чтений памяти профессора П.О. Карышковского, издал их тезисы и материалы. Была создана Черноморская ассоциация археоло-

гов и любителей древности. Джон стал первым председателем ассоциации и издателем двух выпусков ее трудов. Последним выпуском стала его монография "Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья".

За что бы он ни брался — все получалось блестяще и талантливо. А "когда люди видят чужой талант, они просто звереют от зависти и ненависти", — писал нобелевский лауреат Исаак Зингер. И действительно, уже через два полевых сезона властные академические и управленческие структуры, увидев в Одесском археологическом центре сильного конкурента, завалили его комиссиями. В результате половину ведущих научных сотрудников во главе с Новицким уволили за археологическую некомпетентность и неумение копать. А оставшихся "компетентных" лаборантов во главе с номенклатурным начальником перевели в общество охраны памятников. Разумеется, там этот центр и скончался.

Джон снова оказался археологическим "бомжем". Кажется, тогда ему впервые изменило чувство юмора — это уже действительно было не очень смешно. И после бесконечных, длившихся два десятилетия попыток устроиться на работу археологом, в дни августовского путча 1991 года Женя Новицкий с семьей вылетел в Нью-Йорк, навсегда покинув наш город. Так Одесса потеряла блестящего ученого-историка и археолога.

После этого Женя приезжал в Одессу трижды, последний раз — осенью 2004 года. За годы жизни в Америке он написал и издал пять книг одесских рассказов: "Триумф апогея" (Нью-Йорк: Слово — Word, 2001), "Одесские миражи" (Тюмень, 2002), "Издание № 2" (Нью-Йорк: Слово — Word, 2002), "...тогда в Одессе" (Одесса: Оптимум, 2004) и "Третье кругосветное" (Одесса: Оптимум, 2004). Книги презентировались во Всемирном клубе одеситов. Они пронизаны ностальгией по городу, в котором Женя провел молодость и который вынужден был покинуть. Печалью преисполнена и его последняя культурологическая научная статья "Одесса-мама" (Слово — Word, № 42). Так Одесса обре-

ла яркого и талантливого писателя. Но как ученый он был "убит" обстоятельствами еще в 1990 году — в Америке он археологией фактически не мог заниматься. А 6 мая 2005 года его не стало — не дожидаясь двух недель до своего 56-летия. Внезапно остановилось сердце. Сильно подозреваю, что его окончательно убили научная нереализованность и тоска по Одессе.

В 1970-80-е годы мы с Джоном почти всегда работали вместе в одной и тех же экспедициях, школах и домах пионеров. Как учителя истории мы хорошо видели, какой огромный пробел в краеведческом образовании зияет в древнейшей истории нашего края. И мы писали очерки о своих совместных археологических находках и открытиях, которые публиковались в местных газетах. Они были адресованы широкой аудитории. Эти же очерки (в соавторстве с А.Д. Бачинским) были изданы в виде "Книги для чтения по истории Одесщины" (1992), предназначенной для старших школьников. Она была рекомендована к изданию Одесским областным управлением народного образования.

"Книга для чтения..." органично внедряла свежую научную информацию прямо в учебный процесс. Она оказалась удачной и весьма востребованной школьниками и учителями, ее давно невозможно достать.

Незадолго до своей смерти Женя мне предложил частично обновить, "освежить" и переиздать наши совместные очерки о предистории Одессы. Мы с ним начали эту работу, но вместе завершить ее не успели. Остается сделать это самому.

Одни очерки "Предистории Одессы" написаны по материалам археологических экспедиций 1970-80-х гг., а другие — дописаны по новым, самым свежим данным, полученным при раскопках в Одессе в последние годы. Изданием этой книги как учебного пособия для школьников я хочу также отдать должное педагогической стороне яркого и удивительного таланта Евгения Новицкого. Он был замечательным учителем, его очень любили дети.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ
доктор исторических наук, профессор

Где была Ени-Дунья?

Принято считать, что Ени-Дунья (Новый Свет) и Хаджибей — это одна и та же крепость, которая начала строиться турками для подготовки очередной войны с Россией в 1764 г. Между тем единственным источником, указывающим на такое отождествление, является сообщение войскового толмача (переводчика) Константина Иванова. Летом 1764 г. Иванов, посланный из Запорожья с дипломатическим поручением к Крымскому хану, доносил своему начальству, что "в 50 верстах от Очакова, при море, по направлению к Белгороду, делается крепость, коей наименование Ени-Дунья, т. е. Новый Свет, прежде же там было село именовалось Куджабей. Она же крепость зачалась делаться сего года с весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок окольных". Это известие было воспринято в 1840 г. одесским историком А.А. Скальковским в "Истории Новой Сечи" и с его легкой руки "прописалось" в краеведческой литературе.

Между тем никакими другими свидетельствами 1760-80 гг. такое отождествление Ени-Дуньи с Хаджибеем не подтверждается. Напротив, эта крепость в дальнейшем именуется только лишь Хаджибеем. Уже в следующем датированном источнике — "Плане... турецкого города Гаджибея", составленном поручиком Иваном Исленьевым в мае 1766 г., — о Ени-Дунье речи нет. И казацкие походы в 1769 и 1770 гг. были направлены, в частности, на Хаджибей. Во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. "Гаджибейский замок" был взят русскими войсками, а затем возвращен Турции. В 1789 г. под Хаджибей ходили черноморские казаки З. Чепеги, отряд И. де Рибаса брал именно Хаджибейскую крепость.

Название "Ени-Дунья", таким образом, исчезает из сообщений о Хаджибейском замке едва ли не с начала его строительства. Известно лишь сообщение запорожского кошевого, что летом 1774 г. Ени-Дунья была взята русскими, но не указывается, где она находилась.

Зато имеется источник иного рода о Ени-Дунье — это карта черноморского побережья, которая была составлена Риччи Заннони в 1772 г. На ней Ени-Дунья (leni-duni) помещена к западу от устья Тилигульского лимана, а не на месте Хаджибея. Однако одесский историк XIX в. профессор Ф.К. Брун считал эту карту ошибочной, поскольку она противоречит сведениям Иванова: тогда Ени-Дунья "находилась бы в 25 тогдашних верст от Очакова, а не в 50, тогда как таково именно расстояние между этой крепостью и Гаджибеем — нужно только бросить взгляд на карту Риччи, чтобы убедиться в том, что он, помещая Ени-Дуню при Тилигуле, скорее мог ошибиться, нежели Иванов".

Одесские археологи в 1994 году провели специальные раскопки на местности, где согласно карте Риччи Заннони, должна была находиться Ени-Дунья. На мису, образуемом западным берегом долины Тилигула и обрывом к морю, обнаружилось небольшое поселение турецкого времени. Со стороны степи мисс перпендикулярно огражден сильно оплывшим земляным валом. В центральной его части культурный слой достигал мощности 1 м. Он образован преимущественно оплывшими стенами строений из необожженной глины, которые возводились на фундаментах из каменного бута, засыпанного в предварительно вырытые траншеи. На поверхности во множестве найдены обработанные известняковые плиты,

фрагменты турецкой керамики, стеклянных бутылок и железных изделий, которые датируются третьей четвертью XVIII века. По археологическим остаткам можно видеть, что это было укрепление для караула или пограничной заставы. Очевидно, это была охрана и служба при маяке у входа в Тилигульский лиман, бывший тогда еще судоходным. Вероятно, Ени-Дунья погибла в ходе военных действий русско-турецкой кампании 1789-91 гг.

Именно это место обозначено Риччи Заннони как leni-duni. В таком случае совпадение времени существования памятника с датой составления карты (1772 г.) позволяет уверенно зафиксировать наличие здесь в третьей четверти XVIII века турецкого укрепленного пункта — Ени-Дуньи. Это означает, что картограф не ошибался, — налицо совпадение датированной карты и археологических сведений.

А возражения профессора Ф.К. Бруна, видимо, были вызваны его измерениями расстояний на запад от Очакова по морскому побережью. В таком случае Ени-Дунья действительно должна оказаться на месте Хаджибея. Если же учесть, что при сухопутном передвижении из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы, то путь неминуемо увеличивался вдвое. Похоже, что именно это обстоятельство и имел в виду толмач Иванов, указывая расстояние от Очакова до Ени-Дуньи в 50 верст. И последующее отождествление крепости Хаджибей с Ени-Дуньей связано с историографическим недоразумением.

Турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днепром перед окончательной утратой Турцией "Очаковской области" по Ясскому миру 1791 г. были следующими: Очаков, Гасан-Кале (Рыбковка), Возия (восточный берег Тилигула), Ени-Дунья (западный берег Тилигула), Хаджибей (Одесса), Хаджидер (Овидиополь).

Михаил КОРДОНСКИЙ

Два полюса третьего мира

Директор детского дома в Красноярском крае вдруг решила, что дети должны жить в семье, а не в ее заведении, и что оно отныне станет не более чем местом транзита детей в приемные семьи. Самое удивительное, что ей это удалось! Счет детей, нашедших новую семью, идет на десятки, что в масштабах маленького городка поразительно!

Если бы этот опыт получил широкое распространение, то проблема беспризорности и сиротства как в России, так и в Украине была бы решена. Несмотря на бедность, семей, желающих взять ребенка, у нас намного больше, чем беспризорных.

Во всех "позитивных" публикациях о приютах рассказывается, как много и вкусно дети едят и обслуживаются психологами. В "негативных" — о том, что нет денег на еду, одежду, ремонт помещений и, конечно, зарплату.

Между тем как официальные данные, так и мои личные наблюдения свидетельствуют: обитатель среднего детского дома, приюта или интерната в России и Украине обеспечен лучше, чем ребенок в обычной семье. Особенно это заметно по параметрам жилья. Законодательные и подзаконные акты о соцпомощи содраны со стандартов богатых стран или взяты с потолка здания Госдумы, Рады или министерства. Например, по украинским законам в каждом приюте (обычно на 50 детей) должен быть отдельный стоматологический кабинет со всем оборудованием, врачом и материалами, естественно, бесплатный — для неимущих же. Кабинетов таких, конечно, нет, как-то отмазываются директора от налетов санэпидемстанций. Но многие другие параметры приходится соблюдать: качество и площадь помещений на ребенка намного лучше и больше, чем в средней благополучной семье. Соответственно — расходы на отопление, электроэнергию и прочие коммунальные услуги. Плюс зарплата персонала, у нас его примерно столько же, сколько воспитанников. ("А в Америке, — говорят персонажи, — в три раза больше.") Итого затраты государства на детдомовского (приютского, etc.) ребенка в разы выше, чем на семейного. В семье-то родители зарплату не за воспитание ребенка получают, а сами в жизни зарабатывают, некоторые еще и налоги платят... ну, даже если не платят — хоть ребенка кормят.

В результате масштабного приютостроительства число детей на улицах уменьшилось. Это означает всего-навсего, что беспризорные теперь живут не на улице. Они припрятаны, но не перестали от этого быть вне общества. Нельзя отрицать некоторый позитив процесса: декриминализацию общества. Популярными в желтой прессе страшилки про издевательства над детьми в детдомах основаны на реальных, но маргинальных фактах. Народ любит развлекаться, почитывая-посматривая чернуху, но большинство здравомыслящих людей интуитивно и прагматично понимают, что типичный детдом похож на криминальную хронику не более чем Америка — на голливудский фильм про маньяков.

Если бы общественное мнение душой восприняло то, что происходит в здоровых, хороших, некриминальных ДД...

ТАМ СОЗДАЮТ ПОКОЛЕНИЕ ИЖДИВЕНЦЕВ.

Их выпускники, как правило, не способны работать — социализоваться. Впрочем, и нет в ходу такого понятия "выпускники", нет статистики успешности, нет и определенных параметров успеха. Социальная помощь в современном всех слаборазвитых странах понятию — это процесс вечного призрения. Сыт, одет, обласкан психологами? Значит, все окей! Перерос указанный в "Положении об учреждении" возраст? Зачислить в штат сторожем (а то и воспитателем) с продолжением проживания в той же комнате. Штат кончился? Просить дополнительный, потрясая американскими экзаменами. Строить "общежития для бездомных" — фактически те же приюты, но уже для взрослых. Потом — дома престарелых. И на все это просить денег, денег, денег — у государства, спонсоров, хватая за души лапами милосердия. В то время когда, как дипломатично говорят министры, "демографическая ситуация неблагоприятна", население уменьшается, а параллельно несколько миллионов детей и молодых людей растут и вступают в... нетрудовую жизнь. Индустрия призрения строится как по учебнику, только не педагогики, а маркетинга: производство должно рождать новый спрос, порождая новый рост производства, расширение отрасли и занятости. Занятость — персонала детдомов, приютов, общежитий для бездомных, социальных работников... Да им просто это выгодно! Им — не каждому отдельно, но всему сословию. Зарплату, увеличения которой это сословие требует, они получают за что? За создание новых иждивенцев — новой работы для себя!

В большинстве развитых стран передача детей в благополучные семьи является генеральным путем, позволяющим свести беспризорность к минимуму.

Только не надо пудрить мне мозги рассуждениями, что у нас бедно и поэтому все не так. Все так же, но беднее. Кто хочет жить богаче — пускай эмигрирует. Мы живем, как живем, сегодня, а не в светлом будущем. Миллионы других детей, не беспризорных, после школы, армии переезжают из сел в города (иногда наоборот — в село из города), устраиваются на стройки, за прилавки, снимают квартиры и пашут, пашут, пашут! Устраивают свою небогатую, но уж какую у нас есть, жизнь. Небеспризорность — это внутреннее свойство личности. И создается оно обычным семейным воспитанием. А даже если не создается? Семья — самодостаточная и экономически максимально независимая структура. Там уже внутрисемейное дело, будет ли ребенок висеть на шее у родителей до 25 лет, до 30, а то и больше... все мы понимаем, что таких уже немного, но пособия на детей семьям выплачиваются только до определенного возраста — это даже у нас возражений не вызывает. Дальше — личное, недотационное.

У нас передача детей в семьи не получается, и моему собеседнику это известно. Мало ли в мире энтузиастов, подвижников, пассионариев? Мало, но артефактом подвижничества не удивишь. Запишем в этот список директора детского дома Светлану Катаргину — и для массового читателя рассказа можно бы и закончить.

Но собеседник у меня необычный, он знает, что разговор только начат. Сергей Костин, председатель совета

директоров благотворительного фонда "Дорога к дому" — крупнейшей на юге Украины некоммерческой организации помощи бездомным, беспризорным, наркоманам, больным СПИДом и т. п., человек европейской культуры и всепланетного масштаба. По итогам 2002 и 2003 годов входил в двадцатку лучших социальных предпринимателей мира. На Всемирном экономическом форуме в Давосе от Украины уже три раза подряд было только два официальных участника: премьер-министр страны и — Сергей Костин. Разговор наш происходит на улице Софиевской, 10, на импровизированном "круглом столе" по проблемам беспризорности. Уникальные подвижники Костину интересны так же, как любому из нас, но как профессионалу ему нужны "модели", как он говорит: образцы успеха для тиражирования. Финансирование перспективной модели для Костина не проблема, а буднично-рабочий вопрос.

— Как Катаргина находит приемные семьи?

— Ее ДД устраивает акции "Детей на лето в семью". На лето — то есть заведомо на ограниченный срок. В российском и украинском законодательстве такого понятия нет. Есть опекунов, попечительство, усыновление — через все комиссии и справки. У Катаргиной решение о выборе семей и детей из списка желающих производят сами работники детдома. Им помогает группа психологов из Красноярского университета. Я пытался такое делать в Одессе (Костин эту историю знает) и, несмотря на попустительскую доброжелательность госвласти, наткнулся на мощное сопротивление... общественного мнения. То есть как это "временно"? Что, живых детей напрокат дают, "на попробовать"? Подойдет — не подойдет? Ну и что, что в Канаде так делают? У них психологи отбирают. Так и у нас психологи... Нет, у нас неправильные психологи! Типичный пример двойных стандартов! Но не от власти, а от самого общества.

Да, на попробовать! И после этого многие семьи берут "попробованных" насовсем, оформляя уже официальные отношения.

— Как ей удается оформлять? — точно спрашивает Костин.

— Редкие семьи могут осилить такое без помощи юриста. Что означает в нашей стране "юридические услуги", надеюсь, все понимают? Даже если семья "подходит по нормативам" — жилой площади, доходу (легальному!), а нормативы эти тоже содраны с потолков (депутатских квартир), оформить усыновление нелегко. Если, как у подавляющего большинства благополучных семей, нормативы "не тянут", то размеры

взятки увеличиваются многократно. И не так ведь просто прийти с улицы в кабинет и взятку всучить. Специализирующиеся на приючении юридические фирмы плотно вписаны в систему коррупционных связей. Но даже если представить себе Россию и Украину без коррупции (...не смешно), все равно существует рынок юридических услуг. Открытый, международный, мировой — как и положено в либеральном проекте — или стремящийся к таковому. Несмотря на остаточный от прежних времен протекционизм (в либеральной терминологии — торможение реформ) наши семьи обречены на поражение в этой конкуренции. У западных усыновителей и жилплощадь в порядке, и деньги на все найдутся. Глас общественного мнения: "детям там будет лучше". Вывозят в основном новорожденных, которые сами за себя решить не могут. Нашей нефти там тоже лучше: она попадает в более качественные бензобаки. Людей, которым лучше на своей небогатой Родине, торговцы детьми представить не в состоянии.

— А ты рассматриваешь это как бизнес, — предполагает Костин.

— На Западе это и есть прибыльный и легальный бизнес. Если такой совет озвучен, то у меня есть шансы просить у Костина инвестиции, дотаций. Не в коррупционный, а в легальный процесс. Одно только "но": по законам рынка я буду работать только на экспорт. А зачем мне это здесь? Если я выберу такой путь, то начну его с эмиграции.

— Очевидно, — полуспрашивает, полутверждает Костин, — у Катаргиной есть на это средства?

— Есть, — отвечаю. — Она — предприниматель, и при необходимости вкладывает в процесс свои деньги.

Зачем? По ее утверждению, не только из милосердия. Или — понятия о милосердии у нее нестандартные.

Из статьи директора ДД Светланы Катаргиной и психолога Марии Мирес "Сиротство: попытка увидеть монстра целиком":

"...когда мы решаем проблему сиротства, мы должны обнаружить того, у кого есть длинные планы на жизнь на этой земле, на того, кто собирается "жить здесь", строить жизнь здесь, кто отвечает за происходящее на этой земле, — "хозяина земли". Это не обязательно "крупный бизнесмен", "большой начальник" или глава города, государства. Хозяином может быть обыкновенный гражданин, самостоятельно и ответственно строящий свое будущее, будущее своей семьи и всего того, что рядом — в окрестности.

Если такой хозяин есть, то сирот нет, их обязательно устраивают в жизнь. Если хозяин исчезает, то сироты очень скоро проявляются и врываются в нашу жизнь вопреки нашему нежеланию это замечать".

— Ну, допустим, у нее есть какие-то деньги, — рассуждает Костин. — Но не бесконечные суммы, в разумных же пределах. А этого мало. Нужна поддержка местной власти.

У Сергея Костина такая поддержка есть. Кроме постоянного притока денег с Запада впервые в Украине и одной из первых на постсоветском пространстве "Дорога к дому" реализовала понятие "социальный заказ". Городские власти официально поручают некоммерческой организации часть работы по социальной помощи, финансируя эту работу из бюджета и внебюджета.

— У Катаргиной есть самая что ни на есть поддержка местной власти. Она — жена мэра.

В этом месте опять для не знакомого с тонкостями дела читателя можно ставить точку. Но для профессионала еще есть недоговоренность.

— Это же маленький городок? — уточняет Костин. — В таких шагу не могут ступить без санкции губернатара.

— Ну да. Только к Железнодорожскому это не относится. Это закрытый город.

Остатки российского ВПК, ядерного или какого-то там еще. Въезд только по специальным пропускам даже для жителей Красноярского края, не говоря уж об иностранцах. Право на заказ-оформление пропусков имеет узкий круг городской номенклатуры, в который входит и директор ДД. Формально-юридически Катаргина, как Макаренко, может просто не пустить в свой ДД комиссию Наркомпроса (в книгах классика тактично не написано, кому он отдавал приказы не пускать). Катаргина этим правом никогда не пользовалась, но его наличие действует психологически как потенциал сдерживания. Для ставшей притчей во языцех российской бюрократии вокруг Железнодорожского выстроен барьер. А внутри — бюрократия оказалась нестандартной. С длинными планами.

На "круглом столе" наступает пауза и ответвления тем. Сотрудники "Дороги к дому", люди, каждый день видящие ту сторону жизни, не стесняются употреблять в разговоре с журналистом слово "геноцид" — современный, украинского народа. Либерал-директор это позволяет и реагирует спокойно. Ему нужны творческие неравнодушные работники. Они рассказывают, что средний возраст бомжей снизился, теперь среди них все больше 25-летних. Учитывая,

что дети обычно уходят из дому в 7-10 лет, а первый приют появился в Одессе 15 лет назад, нынешние бомжи — это уже "выпускники" приютов. Новое поколение, которое выбирает пустые бутылки из-под "пепси" в мусоросборниках. На вопрос "Сколько процентов из тех, кому вы оказали помощь, стали жить самостоятельной трудовой жизнью?" сотрудники благотворительной организации недоуменно переглядываются: "Мы не ведем такой статистики. И как же это отследить? Они исчезают куда-то... А просто без цифр, по опыту? Единичные случаи. Доли процента".

— Нет, — с сожалением говорит Костин, возвращаясь к теме Железнодорожского ДД, — это не модель. Не образец. Уникальный случай. Тиражирования не получится.

Я очень давно знаю этого незаурядного человека, обычно мы понимаем друг друга. Кажется, мы призадумались об одном и том же. Представили себе затерянный, как у Уэллса, мир, мирок, городок, огражденный от нашего беспредела случайным стечением обстоятельств. Там чудом сохранились реликтовые формы жизни: власть, порядок, стабильность. Впрочем, на других, сытых континентах такие деревья и травы растут на каждой улице, а эти священные звери гуляют в полях. К ним привыкли как к само собой разумеющемуся элементу ландшафта. Их холят и лелеют, а даже если иногда топчут, то в пределах сохранения экосистемы. Разрушить это — наступит экологическая катастрофа, разрушится и сытость.

— А впрочем... Может быть... Может быть, для России это и модель.

Юрий МИХАЙЛИК

Ничем мы не лучше прочих за столом или на столе,

но за нами придет шаланда, а не ладья Харона,

чтоб, откачнувшись на веслах, угадать в густеющей мгле

знакомый берег Отрады, зеленый склон Ланжерона.

Еще там витает над дачными крышами тАнго или тангО,

запинаясь над куполами соборов и над каланчей пожарной,

еще там клянутся в любви и верности на воровском аргю,

и ветерок пролетает, пришептывая, как говорок базарный.

Но о том и речь, что о черных лодках на золотой слюде,

но о том и речь, что наши красавицы могли быть куда капризней,

но о том и речь, что любви и юности не существует нигде,

нигде кроме нашей памяти, нигде кроме наших жизней.

Дымный город залег над морем, изогнувшись подобьем змеи,

выползая из собственной кожи, как прелестница из оборок,

а то, что сияло, дышало, пело, стало сухими ошметками чешуи,

уносимой ветрами во все пределы до мировых задворок.

Налегай на весла, вглядывайся во тьму — дальний берег еще горбат.

Мы ушли не сегодня, мы устарели прежде, чем постарели.

Но там, над шарами и плитами, взлетает стремительный акробат,

мой веселый друг, загорелый как дьявол уже в апреле.

НЕ СОГЛАСЕН — ВОЗРАЖАЙ

Елена КАРАКИНА

РОМАН, МЕЖДУ ПРОЧИМ, УЖЕ НАПИСАН

Относясь с доверием к высказыванию "Все жанры хороши, кроме скучного", следует сказать, что роман Александра Лозовского "www.eretic.ru, или Формула успеха" хорош. Как минимум, тем, что нескучен. Он написан живо и читается залпом, как детектив или триллер. Хотя ни тем, ни другим не является. Это действительно роман, во всей красе романной полифонии. Как и положено увлекательному роману, в нем есть элементы детектива (действие начинается с покушения на главного героя, которому приходится взять на себя роль следователя), триллера (герой теряет память и на некоторое время перестает ориентироваться в происходящем), любовная линия (и не одна!). Книга несет в себе черты, присущие добротным социально-бытовым, психологическим и, как ни странно, историческим романам. Историческим — поскольку действие развивается на протяжении нескольких десятилетий.

Знаменитый пушкинский оксюморон "волна и камень" (точней, вода и камень) стал отправной точкой интриги "Еретика". Камень падает на голову героя, в конечном счете, для того, чтобы он смог самоутвердиться, а также найти состояние и счастье, продавая воду.

Нет, нет, не подумайте, не ту газировку в ностальгических будках с разноцветными сиропами, из которых выплывали "Волги", "Жигули", сырокопченая колбаса и норковые шубки для жен. Юрий Марков (так зовут главного героя "Еретика"), строитель по образованию, бизнесмен волею социально-исторических перемен, продает идею строительства водопровода, идущего по дну моря из Турции в Израиль. Грандиозно — и вызывает смутные ассоциации с персонажами братьев Стругацких из книги "Понедельник начинается в субботу". Учитывая, что Марков начинает свою трудовую деятельность, "взрослую" биографию и судьбу инженером проектного бюро, ассоциации становятся не такими уж смутными.

Много написано сегодня о советских инженерах, имя которым было легион. То и дело в детективах о "крутых" мелькают на ярком фоне кипучей жизни бледные фигуры ИТР-овцев. Образцы, примеры того, как жить не стоит, вызывающие презрительную жалость. Или жалостливое презрение. Александр Лозовский, кажется, впервые в постсоветской серьезной литературе предлагает иной образ "бывшего советского инженера". Даже не столько образ, сколько вариант развития, воплощения, интеграции представителя совершенно потерянного поколения в сегодня, в современность. Трамплин, который он использует, — переоценка ценностей.

Правда, сама переоценка ценностей названа ересью и возведена в теорию. Теория "новой ереси" — самое уязвимое место романа. Сентенции героя о том, что верность моральным принципам, исповедуемая индивидуумом, делает его беззащитным перед лицом жизни и приводит к проигрышу, не выглядят никакой критики. Разве что можно их определить как очень наивный макиавеллизм.

Диалог-спор со священником (поименованным автором "отцом Федором" — то ли насмешка, то ли извинение за вольности Ильфа и Петрова) — на самом деле спором не является. Любкой мало-мальски подкованный теолог разбил бы аргументы "еретика" в

пух и прах. Еретик, то есть главный герой Юрий Марков, после того как кирпич с того и с сего падает ему на голову, решает жить не по моральному кодексу, а в зависимости от ситуации. Он ужасно терзается оттого, что преступает границы нравственных постулатов, вдолбленных ему с детства советским воспитанием. Мучается совестью, мечется между "тварь ли я дрожащая или право имею" как истинный герой Достоевского. Решает, как и Раскольников, что "право имеет", но продолжает мучиться. Мучения не стоят выведенного яйца. Вроде того: "Имею ли я право не то что бы обмануть, но не сказать всей правды людям, которых я люблю, ради их же блага?". Тем не менее, мучения дороги автору, на них и строится не внешняя, но внутренняя фабула романа. О "лжи во спасение", "святой лжи" создатель "Еретика" не ведает. Это убежище, кстати, предлагаемое религией, ему недоступно.

Здесь приходится чисто по-одесски сказать: "Вы сами не знаете, чего вы хотите". С одной стороны, Александр Лозовский настаивает на том, что его герой, бывший ИТР-овец, двинутый камнем по башке, теряет все моральные принципы, губит учителя, едва ли не теряет свою высоконравственную и с трудом обретенную возлюбленную и становится "пошлым паразитом", паршивым бескрылым рантье в Германии (еврей все-таки). С другой стороны, судя по всем действиям героя, он — победитель обстоятельств, преодолевающий клеймо "овцы", "ИТР-овцы", жертвы блеющей, но не брыкающейся, когда ее влекут на заклятие. Что ж, наверное, в этом конфликте автора и героя романа, в этом внутреннем разладе (вы не забыли — вода и камень) заключен один из секретов привлекательности романа.

Это "король не может ошибаться". Александр Лозовский может оставить себе право на ошибку. Поскольку он еще и первопрородец. Он написал портрет поколения. Историю времени, личности в истории, исторически-временного выбора. Может быть, даже то, что его герой путается в оценках и рьяно противоречит сам себе, — не минус, а плюс, достоинство романа. Может, это расхождение и заставляет не только перелистывать страницы, но и перечитывать их. Здесь можно было бы привести несколько обширных цитат — они того стоят. Но лучше прочесть роман целиком — он тоже этого стоит. Никогда еще советская интеллигенция не заявляла о своих "pro" и "contra" таким громким и ясным голосом, как в романе "Еретик, или Формула успеха". Никогда еще не говорилось так нелестно о сомнительном качестве ностальгии (сиречь еще об одном пересмотре ценностей), как сказано у Лозовского. Израиль, Германия, Соединенные Штаты — только до Австралии не добирается бывший сотрудник проектного бюро Юрий Марков. Вот как расширилась география — до пределов всего шарика, это для тех, кто когда-то и помыслить не мог о поездке в социалистическую братскую Болгарию.

"Мне в Париж по делу, срочно" — изумительная шутка Михаила Жванецкого в "те времена", становится естественной в ткани романа Александра Лозовского, написанного уже в XXI веке. Не только в Париж по делу, но не быть "тварью дрожащей". Любить — и быть влюбленным, быть обманутым — и об-

мануть обманщика, соединить реальность и фантастику, определиться в безысходности политических конфликтов, вопреки им строить личную жизнь и личное счастье — вот выводы, к которым подталкивает "Еретик". Не нравится — возражайте. Хороша книга, хорошо художественное выражение времени, которое не вызывает возражений! Это о мертвых — или хорошо, или ничего. А "Еретик, или Формула успеха" — вещь живая. Не бесспорная, но живая, и, как уже говорилось выше, живо написанная.

Есть еще одно достоинство, даже не у самого романа, но у автора. Пусть герой его романа и утверждает, что совесть и мораль приносят лишь вред их носителям, сам Александр Лозовский — тоже заложник совести и морали. Мог бы спекулировать на том, что роман об одесситах. О новом Остапе Бендере. Имеет полное право — и сам уроженец Одессы, и вполне не чужд образу мышления этого

города. Да и героя своего, свой в известной мере автопортрет, сделал одесситом. Известно, что быть одесситом — половина сегодняшнего успеха. Пара расхожих фраз, подделанных под "одесскость" — и ты уже в дамках! К счастью, Александр Лозовский выше этого недорогого приема. В одной из глав романа намеком — "вы, конечно, догадались, о каком городе идет речь", — обозначает он Одессу. Можете быть уверены — очень многие не догадуются. В романе "Еретик, или Формула успеха" выписаны черты стран, но не городов, пусть упоминаются отличия Иерусалима и Нагари. Точно так же выписаны черты скорей поколения, чем конкретных людей. Хотя портреты возлюбленных и друзей автор (повествование ведется от первого лица) описывает детально. Но получился в результате портрет героя новейшей истории, а также очень нескучный роман. Который, к счастью, не только написан, но уже издан.

Лада ПРОКОПОВИЧ

РАССКАЗЫ

Что растет на елке?

Лозунг о том, что для детей нужно все делать как для взрослых, только еще лучше, давно стал прописной истиной. Другое дело, что понимание того, что значит "лучше" — у каждого свое. В том числе и у издателей детских книг.

Есть, например, совершенно роскошная, огромного формата книга "Мир животных".

Появление этой книги в нашем доме стало для нас настоящим праздником. Мы подолгу рассматривали чудные фотографии зверей, птиц, рыб... Читали интригующие комментарии: "Морской конек. Новорожденные морские коньки растут в сумке на животе отца, питаясь его кровью". Для меня как для матери подрастающего одесского оболтуса этот факт стал некоторым утешением. Значит, не все дети пьют кровь из своих матерей. Некоторые, вот, пьют ее из отцов.

Ох, мудра природа! Мудра.

Но изображение клеста стало почему-то смущать. Что-то здесь было не так. Я долго приглядывалась к птичке, пока не поняла, что дело не в ней, а в ветке, на которой она сидит.

— Смотри, Игорь, — говорю я мужу, — ветка еловая, а шишка на ней — сосновая!

— Действительно... Вот что значит компьютерный дизайн. Лепят, что хотят! А дети на этом растут. Потом вырастают и попадают в такие истории, — сказал Игорь и поведал мне не то сказку, не то быть.

* * *

Жена профессора Долгорукова под Новый год купила на Привозе еловые ветки с шишками.

— Смотри, Вольдемар, — восхищенно щебетала она, — какие прекрасные ветки! Какая густая ароматная хвоя! Какие живописные шишки!

— А ты знаешь, дорогая, что на елках шишки не растут? — профессорским тоном охладил ее восторг супруг.

— Как?! — ошеломила она. — А это что?

— А ты посмотри внимательней: они же провололочкой прикручены.

Жена надела очки. Присмотрелась.

— Да... но...

Это "но" не давало ей покоя целый год. До следующего Нового года. Тогда она опять купила еловые ветки. С шишками. И они (ну что ты будешь делать!) тоже оказались прикрученными к веткам тонкой провололочкой.

Она хоть и не профессор, а только жена профессора, но прекрасно знала, что в науке один факт — это ничто, а ряд повторяющихся фактов — это уже объективная закономерность.

Пришлось таки признать, что на елках шишки не растут.

расписались за час до ее отъезда по распределению. Молодожене пришлось отложить брачную ночь — во всяком случае, формальную: Седому оставалось еще год учиться.

В положенный срок семья воссоединилась и получила сначала общежитие, а когда родился Костик — двухкомнатную квартиру, правда, служебную. А еще через год приехала и устроилась в театр Анина заклятая подруга Муська и с изумлением увидела, что в доме Седых царит порядок. Анютка — умереть можно! — стирает, готовит всякую там говядину с черносливом и даже переделывает себе мужнины рубашки в шикарные блузоны — мол, соседка из Польши привезла. Правда, в театре ходил слухок, что Анке только борщи варить, а не на сцене играть. Но распускали его злые языки, потому что дарованием ее бог не обидел. Играла она, в основном, служанок. Действительно, может ли быть герцогиня Мальборо с дерзко вздернутым носом и при таком теле? Зато ее Лиза из "Горя от ума" была так обоим любима и сексуальна, что вполне можно было понять Молчалина. Но особенно удавались Анне русские бабы — глупые снаружи, но добрые внутри. Она не стеснялась казаться некрасивой, смешной. Играла с удовольствием — даже слоненка в сказке. Сама разыскала огромные распотанные валенки, которые носил ее слоненок, и постоянно в них запутывался. А дети в зале падали с кресел от смеха.

О своем открытии супруги поведали другу — профессору Нестанову. Тот был ошеломлен:

— Да вы, что, ребята?! Елок никогда не видели? Как это — елки без шишек?!

— А вот так! Они их провололочкой прикручивают.

— Ну это, наверно, чтобы они не обломались при транспортировке... Да и не на каждой красивой ветке растут красивые шишки... Но это не значит, что они вообще на них не растут!

Но переубедить новоиспеченных натуралистов было невозможно.

Тогда профессор Нестанов во время очередной поездки на дачу специально свернул в соседний лесок, чтобы сломать еловую ветку с шишками.

Как величайшее сокровище вез он эту ветку в Одессу, своим друзьям.

Того требовала научная истина.

Того требовало желание хоть как-то противостоять нашей жуткой всеохватывающей, всепроникающей (кхе-кхе) урбанизации.

Женские слезы

— Что делают с нашей Одессой?! Почему уничтожают деревья? — возмущается няня двухлетней Сонечки, обводя презрительным взглядом городской парк. — Раньше, когда в Одессе цвела акация, ее запах доходил до Турции!

Мое воображение тут же нарисовало экзотическую сказочную страну, жители которой, побросав вдруг все свои дела, стали приносиваться... приноживаться... Ну, точно! В Одессе акация зацвела!

— Понасадили везде этих каштанов, — вернул меня из Турции голос няни. — Куда ни глянешь, кругом каштаны, каштаны...

— Они тоже красиво цветут, — вступилась за каштаны.

— Ну и что? Разве это наше дерево?

Тут уж я возражать не стала.

Увлеченные этой беседой, мы не заметили, как Соня, не разделявшая нашей тревоги о судьбах зеленых насаждений, заскукала, потом стала тихонько похныкивать, а под конец совсем разревелась. Няня, которая теперь уже никак не могла игнорировать присутствия своей воспитанницы, подвела ее к первому попавшемуся дереву. Та обняла дерево, пару раз всхлинула и успокоилась.

— Самый эффективный способ! — заметила няня. — Сейчас кору начнут обдирать.

И действительно, Соня, забыв о том, что ей нужно плакать, стала самозабвенноковырять пальцем ствол полуголого платана.

— Правильно, Соня, — сказала я, — на Руси испокон веков бабы плакали у березок. Правда, это — не совсем березка... Но ведь и мы — не простые бабы! Мы — одеситки. Значит, плакать должны у платанов.

Не у акаций же!

Седой играл недолго. Обнаружился у него талант менеджера. Сначала директор взял его замом, потом он открыл собственную фирму под названием "Артисты, на выход!". В свободные от спектаклей и репетиций вечера актеры исполняли роль тамады на свадьбах и вечеринках, в Новый год "морозили", летом с юмористическими программами делали "чес" по санаториям.

Поначалу удача улыбалась артистам на выход. Седой и сам охотно вел программы. В зимние каникулы отбоя не было от любящих родителей — пригласить Деда Мороза со Снегуркой. Только вот беда — слишком радушно встречали они гостей. Анна не могла ездить с мужем, чтобы контролировать ситуацию. Что за внучка — ростом с дедушку? А миниатюрная Муська по ночам привозила бесчувственного Деда и сдавала ей. На вечеринках было то же самое. Так мужнин бизнес обернулся Анне боком. К тому же заслуженные и народные спохватились и вслед за молодымком организовали свою фирму. Конъюнктура работала на них. Ведь пупкиным гораздо приятней приказать "Давай, клоун, врежь анекдот!" народному артисту, а не просто артисту. А несчастья продолжались. Партнер нагрел Седого, исчезнув с кассой. Естественно, деньги исчезли и в семейном кошельке. Время от времени Аня посылала мужа на все буквы алфавита, а тот в оправдание говорил, что нашел спонсора, расширяет бизнес, и доход скоро будет. Правда, в отсутст-

вии шального заработка была и светлая сторона: Седой ходил трезвый как стеклышко. Чтобы прокормить и не ущемлять запросы выходящего в тинэйджеры Костики, пришлось Анне пойти уборщицей в кафе "Пенистый бокал". Не отойдя от вечернего спектакля, злая на мужа и на весь белый свет, она вставала в пять и плелась в другой микрорайон...

Анна сварила обед, покормила вернувшегося из школы сына и начала собираться. Она была рада, что муж не сможет пойти с ней. Впервые, он всегда подходил к ее рабочему чересчур критически, во-вторых, ему наверняка не понравился бы сюрприз, который она приготовила на вечер.

По дороге в театр Анну не покидало легкомысленное настроение. Она решила: обязательно осуществит задуманное. А там — будь что будет! Купила поллитровку. За кулисами разыскала монтировщица Гогугу, долго что-то шептала ему, жестулировала, потом дала водку. В шесть она уже гримировалась. Нарумянила щеки и обвела коричневым нос. Волосы над ушами зацепила резиночками, получились уши. Влезла в розовый комбинезон. Слва богу, режиссер не заставил ее подложить толстинки. Просто на комбинезоне было крупно выведено: "Я — свинья".

Пьеса Анне нравилась. Это была комедия из сельской жизни. Хозяин разводит всякую живность. Одна молодая свинка немного умеет думать и мечтать. Мыслей ей хватает на то,

Анатолий МАЗУРЕНКО
НАГРАДА ЗА ПРЕДАННОСТЬ

Елена Грушина и Руслан Гончаров — призеры Олимпиады-2006!

Много лет назад в беседе с Галиной Змиевской, подготовившей двух олимпийских, неожиданно услышал довольно ироничский отзыв о фигуристах, занимающихся танцами: ка-таешься, мол, себе в удовольствие, да еще за девушку держишься. Что ж, они, великие, наверное, имеют право на особое мнение. И если смотреть на вещи формально, то основания для снисходительной улыбки имеются. В самом деле, в отличие от одиночного и парного катания в танцах нет прыжков, а количество поддержки строго ограничено. Поэтому риск растянуться на льду на глазах судей и публики практически отсутствует. Каждое падение воспринимается как нечто экстраординарное. Так во сколько вольт измеряется напряжение Олимпиады, если в Турине один за другим падали на лед фавориты — Барбара Фузер-Поли и Маурицио Маргальо, Маргарита Дробязко и Повилас Ванагас, Мари-Франс Дюбре и Патрис Лазон?!

А Грушина с Гончаровым устояли.

Устояли не только в Турине. На протяжении многих лет им приходилось бороться с судьбой, фортуной, судейским предубеждением. Но они оставались преданными делу, которому посвятили всю жизнь, — фигурному катанию.

Конкуренция в танцах на льду сегодня — сумасшедшая. Слоган олимпийской деревни — "Здесь живет страсть" — можно было смело вешивать перед входом в Palavela, где вели спор фигуристы. Перед Играми в стане танцоров вообще творилось нечто невообразимое. Лишь россияне Татьяна Навка и Роман Костомаров стояли как-то особняком — все-таки бесспорные лидеры последних двух сезонов. А после них — неожиданность за неожиданностью. После четырехлетнего (!) отсутствия вернулись на лед бронзовые призеры Олимпиады в Солт-Лейк-Сити итальянцы Фузер-Поли и Маргальо. После трехлетнего — экс-чемпионы мира литовцы Дробязко и Ванагас. Болгары Албена Денкова и Максим Ставицкий ради подготовки к Играм пожертвовали чемпионатом Европы. Канадке Белбин Госдепартамент США ранее положенного срока предоставил американское гражданство, и таким образом образовался еще один конкурентоспособный дуэт Танит Белбин — Бенджамин Агосто, выигравший в прошлом году "серебро" чемпионата мира.

Что бы ни говорили об объективности арбитров в фигурном катании, они тоже люди. Тут от одного перечисления претендентов на медали голова кругом идет, а ведь есть еще личные пристрастия. И началось! После Равенбургского вальса на первом месте оказались... итальянцы. За ними шли россияне, следом — болгары и канадцы. Грушину с Гончаровым поставили лишь на пятую позицию, американцев — на шестую.

И все-таки справедливость восторжествовала! Оригинальный танец вернул турнирную таблицу логику. Навка — Костомаров, Белбин — Агосто, Грушина — Гончаров — в таком порядке расположились дуэты перед произвольной композицией. Причем разница в баллах между конкурентами была минимальной.

чтобы считать: раз хозяина соседи зовут Лексеич, значит, и ее имя — Лексеич. А мечтаний — на то, чтобы очень хотеть полетать. Покружить над сараем, над двором, увидеть, что там, за изгородью. Свинка просит воробьев научить ее летать, но они чирикают, а как понять их язык? Вот и остается свинке глядеть в небеса, подперев голову руками — или ногами? — вздыхать, страдать от ожирения и горестно хрюкать. В финале Лексеич-человек надумывает жениться. А что за свадьба без тушеной картошки с мясом? Хозяин, понуив от жалости голову, походит к Лексеичу-свинке, а та, в силу своей неординарности, вроде понимает его и вроде прощает. Такая вот комедия с трагедией в подтексте. Анне развязка категорически не нравилась. Ее героиня — такая умница, фантазерка — не должна погибнуть. Но что поделать, автор и режиссер распорядились по-своему.

Еще до выхода на сцену Анна глянула в дырочку в занавесе. Вадик высидел в первый ряд, и пыль со сцены аккуратно ложилась на его светлый костюм. Он этого не замечал, поскольку был занят нервничанием. Оглядывался, суеился, не пустил на свободное место патлатую девицу.

Когда по ходу действия Анна впервые вышла на сцену, она хрюкнула и остановилась аккуратно против его кресла. Вадик превратился в соляной столб. Она уселась на старую телегу и нахально подмигнула ему. Мужик оказался с юмором. Он

Состязания сильнейших открывали одеситы. Все свое мастерство, все эмоции, накопившиеся за годы изнурительных тренировок, вложили они в это выступление. И судьи не смогли не отреагировать — на дисплее высветились гротескнейшие баллы. Но до самого последнего выхода на лед французоз Изабель Делобель — Оливье Шонфельдера, отчаянно пытавшихся сместить Елену и Руслана с пьедестала, не было ясно, чем завершится это хождение по лезвию бритвы — такое внешне эстетское и легкомысленное.

Итоги известны. Чемпионами стали Навка и Костомаров. "Серебро" отдали Белбин — Агосто. Лишь 0,21 балла уступили им наши земляки.

А начиналось все на "Льдинке", откуда вышли все наши "звезды". Оба считались подающими надежды одиночками, пока Александр Тумановский не решил объединить их в пару. И, надо признать, первый тренер оказался провидцем: они не только выросли в высококлассных спортсменов, но вскоре стали мужем и женой. Но это потом, спустя годы, и уже не при Тумановском. Ему после закрытия катка в Одесском дворце спорта пришлось уехать в Киев. Его подопечные тоже вынуждены были искать свою спортивную судьбу за пределами родного города и даже страны.

В 1997 году их взялась тренировать олимпийская чемпионка Наталия Линичук, работающая в США. Она прислала им вызов в Америку. Чтобы купить билеты на самолет, Руслан продал машину. Тренер договорилась об их проживании и питании при Деловарском университете. Но для достижения цели, да просто для того, чтобы полноценно жить, нужны были деньги. И ребята в перерывах между занятиями фигурным катанием трудились официантами в "Макдональдсе", приходилось и посуду мыть.

Сотрудничество с Линичук немало дало фигуристам в плане профессионального роста, однако арбитры по-прежнему упорно не желали замечать их прогресса. После олимпиады в Нагано, где они заняли 13-е место, стало ясно: необходимо что-то менять. Их согласилась взять под свою опеку легендарная Татьяна Тарасова. Это был знак: Тарасова лишь бы с кем работать не будет. Катание одеситов засверкало новыми красками, но путь в элиту по-прежнему был закрыт. 9-е место в Солт-Лейк-Сити, казалось, способно выбить из седла самого большого оптимиста, но только не Грушину с Гончаровым.

После того как Т. Тарасовой поступило предложение стать консультантом российской сборной и войти в состав президентского совета по спорту, она уехала в Москву. Одеситы остались на попечении хореографа Николая Морозова. И он, признанный мастер ледовой хореографии, неожиданно для многих оказался прекрасным тренером! Лед тронулся: в 2004 году Елена и Руслан завоевали "бронзу" чемпионата Европы, в 2005-м на континентальном первенстве финишировали вторыми, а на мировом — третьими, на Евро-2006 — снова "серебро". Так что, "бронза" Олимпиады в Турине ценна прежде всего тем, что завоевана она не благодаря благоприятному стечению обстоятельств (как любят повторять спортсмены, "фарт фарту фарт"), а явилась следствием многолетнего упорного труда.

сжал губы, чтобы не расхохотаться, и поднял руку с вытянутым большим пальцем — мол, нормалек, так держать. И даже горделиво осматрел соседей — мол, и мы причастны к большому искусству.

Спектакль гладко катился по дороге, наезженной во время репетиций. Актриса Седая, вдохновленная новой любовью, выдавала такие номера, что свинку Лексеич публики любила всей душой.

Приближался финал. Хозяин уже направился с понурой головой к животине, как вдруг та... взлетела. Не то чтобы в небеса, и не по прямой, а взад-вперед. Но все же взлетела! Веревку было видно, блок скрипел, но по залу пронесся гул восхищения. На верхней точке амплитуды Аня зависла чуть не над креслом своего Ромео. Тот даже руки вытянул, чтобы ее принять! А она подумала: хорошо бы упасть в его объятия и... Нет, она так не подумала. Она подумала, что ее все устраивает в этой жизни. Ничего другого ей не нужно! С этой мыслью она рыскавила улетаюла за кулисы и, едва успев пожалеть, что дала Гоге бутылку до спектакля, рухнула на пол. Ударилась не сильно, но все-таки больновато.

К Анне подскочил главреж с перекошенной физиономией и прошипел: "Завтра же уволю, мать твою!". А она лежала на отшибленном боку, улыбалась и понимала, что счастливый финал ему понравился. Но на всякий случай у нее был запасной аэродром: в дневную смену можно работать в кафе посудомойкой.

«ФОТОГРАФ ЩЕЛКАЕТ, И ПТИЧКА ВЫЛЕТАЕТ...»

Эта строка Булата Окуджавы вспомнилась, когда я просматривал серию городских фотографий Евгения Волокина.

Казалось бы, все так просто.

Но чудо настоящей фотографии происходит лишь тогда, когда мастер умеет заметить необычное в обыденном, уловить то мгновение, когда действительно "птичка вылетает".

Второй раз мы знакомим читателя с фотографиями Евгения Волокина.

Первая серия была посвящена женской красоте, нынешняя — мгновениям жизни нашего города. И в постановочных фотографиях, и в репортажных ощущается единый почерк — внимание к деталям, к композиции, умение почувствовать юмор ситуации, а значит, показать Одессу без прикрас...

И вылетает птичка.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Это мой город...

Дамы и господа

Осень

Территория одиночества

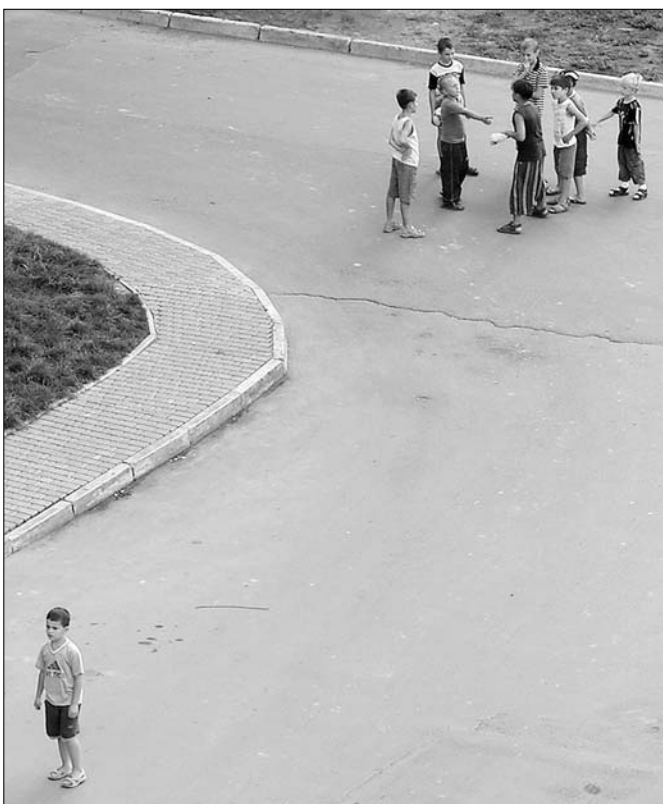
Белая ворона

Развод

Соперница

Вне игры

Чувствительный милиционер

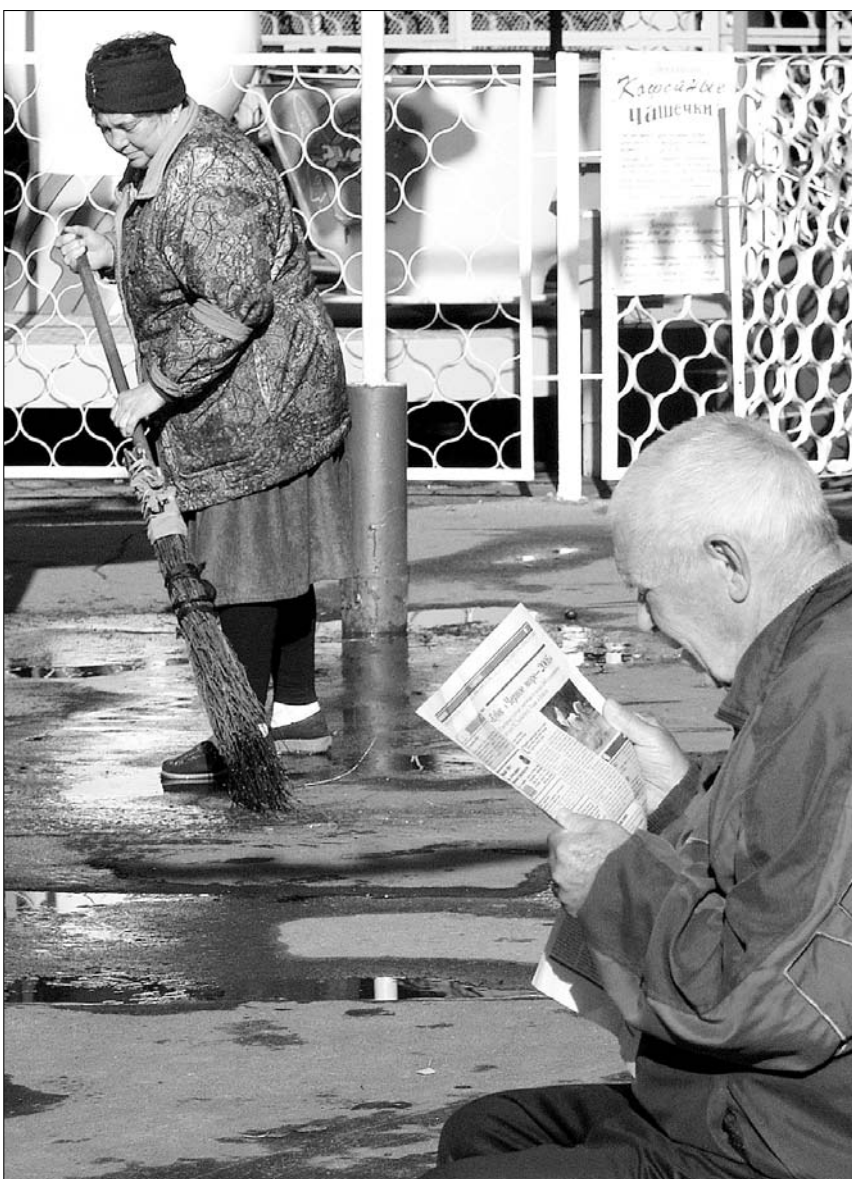
Пиши быстрее, холодно!..

Сложное меню

Семейная идиллия

Разделение труда

Любопытство

Наедине со всеми

Ирина ЕГОРОВА

Я з в а (Лёгенькая)

Одесса. Жуткая жара. ОН выходит из ванной в плавках, мокрый, вытирается, обмахивается, достает из холодильника бутылку холодной воды, пьет. Звонит телефон.

ОН (снимает трубку, говорит вполне по-русски, но иногда произвольно произнося букву "р" на американский манер). Алло!.. Серега! Привет!.. Да... ну, что?... договорился?!.. когда?... Сегодня, сейчас?!.. Ну, ты гигант!.. И всех обзвонил? Все могут?... Да ты что!.. Ну да, завтра уже никак, завтра у меня самолет... что делать, на подолыше не получается... А где встречаемся?... У Дюка, ну да, а как же!.. Спасибо тебе, страшно хочу всех видеть, ведь черт-те сколько лет... Скажи, а... Динка будет?... иди на фиг, какой там сюрприз? Не будь гадом — скажи — да или нет?... Ну, я же все равно приду, куда я денусь... Я должен знать, как одеваться... понятно, не во фрак... да, жара жуткая... думаешь, футболку и джинсы — будет нормально?... Да, да, все, уже бегу!

ОН лихорадочно отыскивает самую красивую футболку, одевается, бежит в лифт, там натывается на какую-то лужу, обходит ее. Двери закрываются, он облегченно прислоняется к стенке, чувствует некоторое неудобство, дискомфорт в районе пояса, ощутив, обнаруживает, что ремень на спине перекручен, расстегивает его, поворачивает правильно, собирает застегнуть, в этот момент лифт останавливается, двери открываются и заходит ОНА (солидная дама, блондинка с пышной прической, в дымчатых очках), застывает его с расстегнутым ремнем. ОНА автоматически нажимает кнопку, грозно осматривает его, опустив взгляд, замечает внизу лужицу.

ОНА. Ну, и что же это такое там, на полу?
ОН (продолжая застегиваться). Не знаю.
ОНА (возмущенно фыркает). Ну конечно!
ОН (вглядываясь в лужицу). Это масло... или олифа... кто-то пролил, наверное.
ОНА. А поумнее вы ничего не придумали? Какое свинство!

ОН. Что вы себе позволяете!
ОНА. Это я — что себе позволяю? Ну и ну! Неужели трудно дойти до туалета! Ведь в лифт войти невозможно! Если у вас недержание, сидели бы дома себе!
ОН. Нет у меня никакого недержания. И дом у меня отсюда слишком далеко.

ОНА. Вот и сидели бы там, а не ходили бы к нам гадить.
ОН (с трудом справляясь с ремнем). Да нет, что это я перед нею оправдываюсь? Наглые бабы в этой стране как были, так и остались!

ОНА. Ох! Ох! Он еще иностранца из себя будет корчить! Молчал бы уж! Иносранец фиги! Памперсы носить надо!

ОН. Да вы... да как вы смеете так со мной разговаривать!.. Я буду...

ОНА. Это я сейчас милицию вызову... ОНА тянется к кнопке, ОН с ней одновременно протягивает руку. Минутная заминка, они оба что-то нажимают. Внезапно лифт останавливается и застревает.

ОНА. Вот черт!
ОН. Что вы делаете! Этого только не хватало!!!

ОНА. Все из-за вас. Нет! Мне никак нельзя опоздать. (Жмет кнопку "стоп", слегка подпрыгивает.) Нужно немного попрыгать, тогда он поедет. (Жмет какие-то кнопки, прыгает.) Ну, что вы стоите? Помогите же! Давайте вместе. (ОН наблюдает с ненавистью, но все-таки подпрыгивает пару раз. Это не помогает.)

ОН (отстраняет ее). Уберите руки. Нужно вызвать диспетчера. (Нажимает кнопку.) Хелло!.. Алло, алло, девушка!.. Алло!.. вымерли они там, что ли? (Дубасит по кнопке.) Алло! Алло! Алло! Есть кто живой?

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА (нехотя). Да! Алло. Вас слушают.

ОН. Девушка, мы застряли в лифте!
ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Где?

ОН. В доме... э...
ОНА. Королева, 67.

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Какой подъезд?
ОНА. Второй.

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА (делая большое одолжение). Ожидайте.

ОН. Девушка, а скоро приедут? У меня встреча. Девушка! У меня очень важная встреча.

ОНА. Девушка, миленькая, пожалуйста,

сделайте побыстрее! У меня, можно сказать, жизнь решается. К тому же здесь со мной маньяк какой-то. Если что-нибудь случится, это будет на вашей совести.

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Ну, что вы хотите? Я передам, а когда они приедут — кто это может знать? Я же — не Господь Бог!

ОНА. Здесь от духоты загнуться можно!
ОН. И поймите, у меня очень срочное дело — я не могу долго ждать.

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Ой, не можете — не ждите! Я же вас не заставляю! (Отключилась.)
ОН (вытирая пот со лба). О боже, в этой стране никогда ничего изменится!

ОНА (обмахиваясь). Ну, и катились бы вы из этой страны... легче дышать было бы!

ОН. С большим удовольствием! Только для начала нужно отсюда выйти.

ОНА. Если бы вы тут не устроили это безобразия (показывает на лужу), то все давно бы уже шли по своим делам!

ОН. Что вы разорались? Я никакого отношения к этому безобразию не имею. Это масло. Можете попробовать, если не верите!

ОНА. Спасибо, кушайте сами! Масло он мочится! Какой обыкновенный человек! Такой мужчина в хозяйстве — просто находка. Может, вы по совместительству еще и чудо-меленка? И яйца золотые несете, вместо курочки Рябы?

ОН. Ну, вы что-то размышлялись не по годам! Пойдет направо — песнь завоет, налево — сказку говорит. В вашем... солидном возрасте могли бы вести себя и поскромнее.

ОНА. Тю! Скромник нашелся! Писающий мальчик! Скажите пожалуйста, а это случайно не вам памятник поставили в городе...

ОН. Или вы сейчас замолчите, или...

ОНА. Я вызываю милицию. (Жмет кнопку вызова диспетчера. Безрезультатно.) Зараза.

ОН. О-о-ох! (Ощупывая карманы.) Елкоматалки! Забыл. Мобильник с записной книжкой... ох, ты ж!.. М-м-м!

ОНА. Кстати! (Достает из сумочки мобильник.)

ОН. У-у, проклятая спешка.

ОНА (набирает номер, в трубку). Серега!.. Да, я, привет!.. Нет! Представляешь, я тут в лифте застряла... Да я серьезно!.. Где! Дома у себя... да еще с каким-то маньяком... А вы там как — уже все собрались?.. Так, так... отлично... молодцы... А наш дорогой... кто-кто — ну, гвоздь программы... Нет? Не пришел еще?... Куда же он девался?.. Вы только никуда не уходите, ждите его до посинения... ну, и меня, конечно... Если меня долго не будет — Гринников пусть мобилизует отряд милиции... ага... Андрюшкиной скажи, чтобы вызвала своих сыновей-альпинистов, а Чуня пускай задействует все связи, чтобы аварийка побыстрее приехала... Ну, давай, Щепочка, держись там... Привет Дюку!

В процессе ее разговора ОН застывает, впривисши в НЕЕ, и челюсть у него отваливается все больше и больше.

ОН (обалдело). Динка! (ОНА поворачивается к нему.) Динка Лёгенькая!

ОНА (уставившись в НЕГО, выдыхает). Витасик!..

ОН. Динка... (вглядываясь в ее пышную блондинистую прическу, недоуменно) стрижечка... мальчишеская... черненькая...

ОНА (глядя на его намечающуюся лысину, саркастически). Роскошная кудрявая шевелюра...

ОН (опуская взгляд на ее величественный торс, растерянно). Худющая... (вспомнив, как ее дразнили) ...Шкиля-макарона... ты же всегда носилась, как глупый щенок.

ОНА (назидательно). Однако во время пути... собака могла подрасти! (Небрежно кивнув на его брюшко.) Зато у тебя поистине атлетическое телосложение.

ОН (ошарашено). А ты совсем не изменилась!

ОНА. К сожалению, о тебе я этого сказать не могу.

ОН. Язва.

ОНА. Еще какая!

ОН. А помнишь, как физик наш, когда доходил до единицы измерения силы... всякий раз говорил, к примеру: "Сто пятьдесят тысяч дин..." — и выразительно глядел на тебя, потом как бы взвешивал что-то на руке и добавлял — Легенских. О-очень Легенских?"

ОНА. Напрасно ты надеешься, что у меня

склероз. К сожалению, я помню намного больше, чем хотелось бы.

Внезапно вырубается свет.

ОНА. Ой.

ОН. Да что они — с ума сошли, что ли?

В темноте тянутся руками к кнопке вызова диспетчера, нажимают, он продолжает держать ее за руку.

ОНА. Девушка! Алло! У нас погас свет! Алло!! Девушка!

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Да слышу, слышу, не кричите вы! У нас тоже темно. Тут, похоже, авария во всем районе.

ОН. И когда же...

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Спросите что-нибудь полегче. Сидите ждите.

ОН. Ну, елки-палки! А я тебя даже не разглядел толком.

ОНА. Значит, в твоём преклонном возрасте пора носить бинокль.

ОН (вспомнив фразу из прошлого). Будешь выступать — уши надеру.

В темноте ОН протягивает руку, чтобы шутя потрепать ее за ухо, гладит по голове. Неловко переступив, ОН поскальзывается на масляной луже, чуть не падает, нечаянно срывает с нее парик.

ОН (вскрикивает). А!! Что это? (От неожиданности бросает парик в лужу.)

ОНА (хватаясь за голову). Ай!! Мой парик!.. Отдай. Где он?

ОН. Он, кажется, упал...

ОНА (нашарив его на полу). Черт! Он весь в каком-то масле!

ОН (торжествуя). Вот видишь! Я же говорил, что это масло!..

ОНА. Ну, спасибо, утешил! Чтобы доказать, что ты не родственник писающего мальчика, ты решил меня обезглавить. (Держит парик двумя пальцами.) Теперь его можно выбросить. (Бросает парик в угол.)

ОН. Прости, я не нарочно... (Обмахиваясь.) И зачем ты его напялила?... с ума сошла — в парике в такую жару... И не жалко тебе себя?

ОНА. Жалко. Особенно без парика. Как посмотрю в зеркало — плакать хочется.

ОН. Ну, что ты говоришь, глупая...

ОНА. Уж, какая есть. Дай мне платок — руки вытереть.

ОН. На. (Отдает ей платок.)

ОНА. Спасибо тебе. За все. Теперь его тоже можно выкинуть. (Бросает платок.)

ОН. Я куплю тебе новый парик... как только выберемся.

ОНА. Не надо, я как-нибудь сама справлюсь. Слава Богу, не бедствую. Как-никак, бухгалтер. В трех фирмах.

ОН. Ты — бухгалтер? Не ври. У тебя же мозги для математики — так себе...

ОНА. Эти мозги в нашем математическом были "так себе", а в дальнейшей жизни оказались очень даже ничего.

ОН. Надо же!.. Так ты же ни одного примера без меня решить не могла!

ОНА. Ага, конечно! Когда Берточка напишет на доске какой-нибудь навороченный примерчик... от стены к стене, в несколько рядов, понапишет в него такого, что за неделю не разгребешь...

ОН. Правильно. А как бы ты хотела?

ОНА. Да еще пальчики от мела оттряхнут элегантно и говорит, вся такая довольная:

ВМЕСТЕ (изображая математичку). "Ну, вот. Весь сыр — в один вареник!.."

(Смеются.)

ОН. Если тебе это не нравилось, нечего было в эту школу соваться. Сидела бы в своей, занюханной, и зубрила таблицу умножения!

ОНА. Ой, ладно, опять завелся. Хватит уминать. (Распахивает свою блузку, обмахивается.) Фух, не могу, духотища, впору шкуру сбрасывать!

ОН. Да ты сними свой блузон и обмахивайся... все равно ничего не видно.

ОНА. Думаешь?

ОН. Уверен.

ОНА (снимает верхнюю блузку, остается в пикантном топики, блузкой начинает обмахиваться). А ты, гений, у нас теперь — кто и где, если не секрет?

ОН. Ох, хорошо! (Берется за другой конец топики, помогает махать.) Я в Нью-Йорке. Страховой агент.

ОНА. Неплохая специальность для гения. И давно ты там?

ОН. Давно.

ОНА. Насколько мне известно, ты тогда, вроде... во Владивосток махнул?..

ОН. Тогда — да.

ОНА. Ну. И — что?

ОН. Тебя забывал. Учился, женился... написал, лечился... ну и прочие интересные занятия... потом все это мне осточертело, я развелся и уехал в Штаты.

ОНА. Понятно! Куда же еще! Других интересных мест на Земле не существует! Ну, а там?

ОН. Там тоже всякого хлебнул. Женат был некоторое время, сын растет — американец. Работаю. Зарабатываю хорошо. Меня ценят. Все в порядке. (Пауза.) Слушай, не возражаешь, если я футболку сниму?

ОНА. Футболку — не возражаю. А с чего разводился-то? Все бабы — стервы?

ОН. Нет, ну почему? Первая вообще была тише воды, ниже травы. От тоски чуть не содох.

ОНА. Ну, вторая-то хоть — стерва?

ОН. Нет, нормальная. Просто нашла себе мужа побогааче. Только все равно... безразлично как-то все. (Пауза.) А ты — как? Замужем? Счастлива?

ОНА. Было и такое.

ОН. С Глебовым?

ОНА. Ты че, дурак?!!

ОН. Сама ты дура!

ОНА. У тебя на Глеbove прямо свет клином сошелся.

ОН. Вот и вали к своему Глебову!

ОНА. Какой он — мой? Глебов спился. И вообще, с чего ты взял?..

ОН (задохнулся). С чего я взял?!! С чего я взял?!! С того, что видел! И чем же, интересно, вы занимались... в этой замысловатой позе на скамейке?!!

ОНА. В этой замысловатой позе он мне соринку из глаза доставал!!!

ОН. Соринку?!! Какую еще соринку?..

ОНА. Обыкновенную!.. которую ветром вместе с пылью надуло! Пока вы там со Слушной песни горланили прощальные, я три часа до тебя докричаться не могла... глаз красный, вся тушь размазалась... Спасибо, Глебушка помог, он умеет...

ОН. Он умеет! В этом я никогда не сомневался! Он всегда вокруг тебя ужом вился и зенки свои пялил... у-у-ух, поубивал бы! (Замахивается футболкой на воображаемого Глебова.)

ОНА. Ты уже попробовал! Я потом четыре дня примочки к его глазу прикладывала... пока ты во Владивосток катил. (Начинает лупить его своей блузкой.) Идиот... идиот... идиот ревнивый!!!

ОН (заслоняясь руками и с трудом осознавая). Ты... это... про соринку — что, правда?.. (Она опускает руки, всхлипывает.) А что, сказать нельзя было?!! По-человечески?!!

ОНА. А что, спросить нельзя было?!! Перед тем как морду человеку расквасить? И усвистать с вокзала в неизвестном направлении? Даже родителей не предупредил, все тут с ума сходили!

ОН. Я им телеграмму прислал. Когда доехал...

ОНА. Спасибо. Мы все были тронуты твоим гуманизмом.

ОН. Так ты... ты что, с Глебом — не...

ОНА. "Не..."! Представь себе — "не..."! Больше того, даже — ни-ни! (Шмыгает носом.) Вот ведь как.

ОН. Как же так... Но пойми ты!.. Как все это выглядело!

ОНА. Знаешь, когда ты в лифте над лужей застегивал штаны, это тоже выглядело как-то не очень.

ОН. Дурища ты! У меня ремень перекрутился! Знаешь, с какой скоростью я одевался? Когда понял, что есть шанс увидеть тебя!

ОНА. А у меня тогда глаза на лоб повылазили из-за этой соринки клятой!

ОН. Но я же видел, как он на тебя все время пялился...

ОНА. И не он один! А чего же не пялиться, когда есть на что? На меня, между прочим, и по сей день пялятся, если хочешь знать! (Пауза.)

ОН (тупо). Это ж надо быть таким идиотом!..

ОНА. Таким идиотом — лучше не надо!

ОН. Господи, мне всю жизнь не хватало именно этой язвы...

Обнимает ее, она припадает к нему на плечо. Внезапно зажигается свет.

ОН. О! Как вовремя. (Берет ее за плечи.) Дай хоть разглядей тебя... какая ты...

ОНА (уклоняясь, полураздетая, взъерошенная, заревавшая, но ужасно привлекательная). Чего меня глядеть?... Эка невидаль... старая клыча...

ОН (вглядываясь в нее). Н-нуу... Я бы не сказал.

ОНА (глядя на валяющийся парик). Ну вот! Стоило мне встретить тебя, и я тут же потеряла голову.

ОН. Ты знаешь, а без головы тебе намного лучше. И без всего остального тоже.

ОНА. Как? И даже без тебя?

ОН. Нет уж, теперь я тебя никому не отдам. (Целуются.)

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Алло! Алло! Живы вы там? Пришла команда вас вызволять! Алло! Есть кто живой? Что вы молчите? Алло! Сейчас откроются двери. Алло!

В ЕЕ сумочке звонит мобильник. ОНА тянется, чтобы ответить, ОН выключает мобильник. Двери открываются. Мобильник снова звонит. Они еще долго продолжают целоваться.

ОН (смотрит на НЕЕ). Нет, пожалуй, так ты слишком хороша. Придется все-таки купить тебе парик, чтобы на тебя поменьше пялились. (Берет ЕЕ на руки.)

ОНА. И куда ты меня тащишь?

ОН. Тут, недалеко. Ко мне, на двенадцатый. (Уносит ЕЕ.)

Занавес.

Семен ЛИВШИН

Американская dream

Заметки начинающего домовладельца

Когда мы наконец-то подписали все документы на покупку дома, этакий томище с полторы "Войны и мира", агент международного риэлтеризма, с которым мы сражались до последней капли денег, устало улыбнулся (слышен был хруст челюстно-лицевой мускулатуры) и сказал:

— Ну, вот и для вас осуществилась Великая Американская Мечта!

Было тихо и тепло, как всегда в Сан-Диего. Но этот день и этот дом сияли так ослепительно, что пришлось надеть вторую пару темных очков. Из куста бугенвиллий (уже наших!), выпорхнула пара колибри. Я поймал себя на том, что гляжу на них цепким взглядом собственника. Мол, вы тут не больно-то шустрите, а то как объявлю свой двор зоной, закрытой для полетов...

Если же отвлечься от эмоций — действительно ли все американцы так уж мечтают купить недвижимость? Вряд ли. Не зря же тут говорят: дом там, где есть работа. И когда она вдруг исчезает или, наоборот, появляется какая-нибудь получше на другом побережье, то дом срочно продается, иногда за бесценок. Так стоит ли вокруг него огород огородить и выращивать там фрукты-овощи?

Тем не менее, две трети американцев владеют недвижимостью, а остальная треть хочет этого же. Такая уж у них частнособственническая психология. И дело тут не в мечте, а в стремлении с пользой вложить деньги и распоряжаться жильем по своему усмотрению. Захочу — посажу орхидеи, не захочу — бурьян. Или выраю во дворе бассейн. И плавню отражаясь в его голубой глади, буду качаться в гамаке, наслаждаясь окружающей средой и мыслью о том, что моя недвижимость каждую минуту растет в цене...

Но пока она еще вырастет... А платить за дом надо каждый месяц. А если завтра война? если завтра ремонт?! Пока рентуешь, о нем забывается хозяин. Когда же ты сам Хозяин, то любому специалисту надо

заплатить сотню только за то, чтобы он глянул на неполадку, мрачно покачал головой и сказал, сколько денег он из тебя выкачает за ремонт.

Хорошо, коли ты человек мастеровитый, рукастый и можешь починить все сам. А ежели я чистый, извините, гуманитарий? Из тех, кто может лишь с грехом пополам вколлотить гвоздь в стену. Да и тот непременно пробьет ее насквозь, попортив соседского Рубенса, вырезанного из журнала "Здоровье"...

Аграрный ген у меня тоже начисто отсутствует. Я понял это давным-давно, когда еще на одесской нашей даче мне (за неимением мексиканцев) было поручено искоренить сорняки как класс. Взялся я за дело довольно рьяно, но потом ушел с головой в какие-то свои творческие замыслы. И опомнился лишь тогда, когда покончил не только с сорняками, но и с баклажанами, крыжовником и штaketником... Какая же судьба ждет наши будущие авокадо?

Все эти мысли плюс еще одна деталь — отсутствие денег — долго отвращали нас от покупки жилья. Когда-нибудь, — мечтательно думали мы, — цены на дома и проценты упадут так низко, что за ними придется погибать. И вот тут-то мы ка-ак купим!

Но пока мы понемножку копили денежки, цены стали резво расти. Когда же перед нами маячила проблема нового переезда (пятого за десять лет!), мы решили: все, хватит! То есть пришли именно к тому, что нам наперебой советовали друзья, едва мы приехали в Сан-Диего: "Купите — потом будете жалеть!". Ну, как говорится, если бы у бабушки были колеса, то это была бы уже не бабушка, а велосипед...

Впрочем, когда бы вы ни обзавелись жильем, найдутся люди, которые приобрели его раньше и выгоднее. Уверен: едва фараон Хеопс внес даунпеймент за пирамиду и стал готовиться к новоселью, его коллега Аменхотеп снисходительно наблюдал за ним из своей пирами-

ды. Он-то подсутился с ней еще века три назад, в разгар древнеегипетской рецессии, вызванной нашествием гиксосов, когда восьмисотбедрумный Луксорский храм можно было купить за бесценок и тут же списать его с налогов...

То же случается и в Америке. Скажем, пока не построили мост, соединяющий Сан-Диего с островом Коронадо, земля там долго пустовала. Вместо нынешних туристских толп по улицам фланировали лишь козы стада. Кому, скажете, охота селиться где-то на отшибе, если в самом Сан-Диего было еще полно-полно места для застройки? Говорят, в те времена на Коронадо можно было бесплатно получить акр земли — только обоснуйся здесь и возьми книгу в местной библиотеке! Эх, набрал бы я литературы акров на триста... Сегодня жилье там по карману лишь читателям толстых чековых книжек.

Но время ушло, и надо срочно искать дом. Есть счастливицы, которые находят его сразу же. Пришел, увидел и купил. У нас же на поиски ушло почти полгода. Зато мы узнали массу интересного о финансах, черепице и приемах, применимых при охоте на покупателей. Видишь, скажем, в интернете картинки, от которых миглом разыгрывается буйная трехбедрумная фантазия. Приезжаешь и...

Один дом построили, похоже, еще до приезда Колумба, чтобы отпугнуть конкистадоров. Другой нам идеально подходит всем, кроме одного: он стоит прямо под высоковольтной линией ("От нее не больше вреда, чем от макроеврейки!" — клянется брокер.) Третий расположен так, что фривей проходит чуть ли не через гостиную. Четвертый дом хозяева показывают только поздним вечером — почему? Ага: рядом дилерская, и весь день здесь невероятный шум. Пятый угнездили на самом обрыве и вот-вот сползет вниз. Брокер философски замечает: "Зато какое व्यю!". Действительно, если стать на подоконник

в ванной и по пояс высунуться в форточку, то в телескоп можно увидеть кусочек океана. Шестой... двадцатый... сотый...

Время идет, дома уходят один за другим. Уже купили и доисторическую хибарку, и тот, что под электролинией, и этот, прямо на фривее... Вместе с толпой конкурентов я кочую с одного "опен хауза" на другой. Мы уже знаем друг друга в лицо и ревниво следим за каждым словом соперников. Вот они, нравы каменных джунглей! Хотя в Калифорнии ты платишь кучу денег лишь за груды досок и фанеры, из которых сделан даже самый шикарный особняк.

...Где-то после двухсотого дома нам кажется: все, кранты! Но поскольку мы живем в Америке, да еще близко от Голливуда, должен же, наконец, быть хэппи-энд! Прилетит к нам голубой волшебник в голубом вертолете и... Нет, видно, в связи с финансовой ситуацией им тоже урезали фонды на волшебство.

И вдруг одна знакомая говорит, что рядом с ней выставили на продажу симпатичный домик. В хорошем месте. Довольно недорогой. Я мчусь туда, мрачно гадая по дороге: то ли у этого дома крыша поехала, то ли рядом склад ядерных отходов...

Вхожу и замираю: да это же наша одесская дачка, только гораздо больше и красивее! И даже баклажаны в огороде! Оказывается, владельцам надо срочно уезжать по работе в Китай, и они хотят быстрее продать дом. Но пока я измеряю его комнаты с помощью расчески, приезжает молодая пара на новеньком "Лексусе". Они обмениваются с хозяевами парой китайских фраз — и тут же ударяют по рукам. Гуд бай, баклажаны... Ну ладно, — мстительно думаю я на обратном пути, — в жизни не куплю больше ни одной китайской вещи!

...Через неделю вдруг звонит китаянка и сильно подобревшим голосом сообщает: если мы по-прежнему хотим купить этот дом, то можем поехать на переговоры к их

агенту. Ага, видно, те передумали! Мчимся к брокеру. Хорошо, что сегодня вся полиция Сан-Диего охраняет бейсбольный матч, — не миновать бы нам штрафа за превышение скорости света! Но на полпути звонит брокер: пришли новые клиенты, которые дают гораздо большую цену. Мы круто разворачиваемся посреди дороги и плетемся назад. Лишь бы губу раскатали... Вот вам и Голливуд!

Теперь нас может выручить только небольшое землетрясение. Ну совсем малюсенькое. Чтоб никто не пострадал — лишь бы цены на дома упали хоть на день. Ну хоть на час, пока мы подпишем контракт. Нет, все тихо. Черт с ним, будем и дальше снимать жилье. Пускай рент растет до небес, а друзья пусть опять говорят: "Мы же вам говорили...". Хватит! На черта нам становиться рабами моргиджа? Тем более сам Прудон писал: "Частная собственность есть кража".

И тут опять звонит хозяйка-китаянка. Голос — шелковый с мелкой бисерной вышивкой: если, мол, у вас найдется свободная минутка, не заедете ли к нашему брокеру? Ах, вы очень заняты? Едете смотреть другой дом? О, мы с удовольствием сами к вам приедем!

Сидим, пьем чай, беседуем, ожидая, в чем на этот раз будет подвох. Узнав, откуда мы родом, китаянка вдруг запекает по-русски (видно, запомнила еще со школы): "Не слышны в саду даже шорохи...". Мол, гоните еще тысяч десять. Пропустив политически некорректную строчку "Что ж ты, милая, смотришь искоса?", я неумолимо пою в ответ: "Так, пожалуйста, будь добра...". Брокер, полностью обалдевший от этого дуэта, мысленно дает себе зарок: никогда больше не связываться с клиентами из бывшего соцлагеря!

...В конце концов, мы все-таки спелись и сговорились. Китайцы благополучно уехали в Шанхай, а мы наконец-то обрели крышу над головой и зеленый дворик, простирающийся вдаль на бескрайней дюймы. Да, старина Прудон явно ошибался, факт. Частная собственность — это класс! Надо только выполоть сорняки и...

Простите, мне пора кормить наших колибри. Интересно, будут они есть "докторскую" колбасу, или опять налить им "Манишевича"? Да, много проблем у нас, у домовладельцев!

Сан-Диего

Олег ГУБАРЬ

«ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА»

Помните, конечно, хрестоматийный эпизод с похоронными дрогами, доставившими самодеятельных артистов на эстраду. Так вот он, оказывается, вовсе не придуман, а просто скопирован из давнишней криминальной хроники знаменитых "Червонных валетов". Известный московский гробовщик отправил свое изделие на квартиру одного из валетов близ Тверской. "Духовенство его отпело, — свидетельствует современник, — и пошло провожать на Ваганыково. Впереди певчие в кафтане, сзади две кареты и несколько молодых людей сопровождают катафалк". Процессия дошла до шикарного ресторана "Яр", от которого шоссе поворачивало к кладбищу. К удивлению скорбящих, молодые люди сняли гроб и в сопровождении невест откуда взявшихся цыган с песнями и плясками внесли его в подъезд "Яра". Покойник преспокойно выбрался наружу и был встречен бокалами шампанского. По поводу этой "милый шалости" полиция возбудила дело. Тем временем гробовщик за бесценок купил гроб, покров и саван, "и на другой день в этом гробу хоронили какого-то купца".

Этот самый гробовщик, Котов, был великим театралом и сам частенько выступал в любительских представлениях, причем играл недурно. Как-то раз он на свои средства поставил "Свадьбу Кречинского", причем исполнял главную роль — самого Кречинского. "Зал бушевал, — рассказывает В.А. Гиляровский, — аплодируя после первого акта, ведь после каждого спектакля Котов угощал публику ужином — люди все были свои". Идет второй акт. Вдруг на сцену, запыхавшись, вбегает приказчик Котова в шубе и что-то нашептывает ему на ухо. Тот: "Как так?! Сейчас?!", Приказчик: "Да! Торопитесь, а то перехватят!". Нимало не смутившись, Кречинский срывает с себя бакенбарды и убеждает вон со сцены. Оказалось, что только что

умер один из богатей Хлудовых, и Котов помчался получать заказ. Публика не обиделась: дело — прежде всего!

В Одессе с организацией похорон очень долго дело было поставлено из рук вон плохо: хоронили — кто во что горазд. И только в начале последнего четверти XIX столетия толковые предприниматели учредили солидную Контору погребальных церемоний. Презентация ее состоялась 21 марта 1876 года и вызвала подлинный восторг ошачивленных горожан: "Погребальная церемония была в полном блеске. Новый балдахин, убранство шестерки лошадей, кареты с кучерами и лакеями в ливрейной форме, соответствующей одежде остального многочисленного персонала служащих, ручные подсвечники, приспособленные для держания факелов и пр. — все это было ново, нарядно, в стройном порядке и придавало особенно торжественный вид погребальной процессии". Правда, как отмечал тот же репортер, в ограде Греческой церкви воры таскали из карманов "процессии" с величайшим усердием ("Одесский вестник", 1876, № 65).

По этому поводу — другой курьезный криминальный сюжет: "В ночь с 16 на 17 ноября на Пересыпи, на Второй улице, неизвестные злоумышленники хотели обокрасть питейный дом; заметив, что в одной из квартир в этом же доме светится очень ярко, они подошли и увидели, что в комнате лежит в гробу покойник; они вошли и сняли с него всю одежду, а также с спящих возле покойника женщин сняли платки и благополучно выбрались из дома" ("Одесский вестник", 1876, № 255).

Поскольку одесские похороны были подлинным шоу (читай Бабеля), постольку они привлекали огромные массы празднующей публики. Параллельно, однако, жизнь все же шла своим чередом: "В заметке "Одесского Листка"

говорится, что во время осмотра врачом больной (моей жены) муж находился в соседней комнате. Это неверно. В это время я находился на похоронах подполковника Маюрова и, следовательно, "бросаться" в кабинет, как говорится в заметке, не мог... Не желая восстанавливать факт милостивости моей жены, до времени воздержусь от подробных разъяснений зверского поступка пользующего в Одессе известного врача-акушера..." ("Одесский вестник", 1887, № 78). В следующем газетном номере эта история получила развитие. Тут говорится, что означенный эскулап усыпил хлороформом акушерку в клинике университета св. Владимира — у нее болели зубы (!), и доктор вызвался ей помочь. А потом "совершил над несчастной девушкой самое гнусное насилие", после чего уверял всех, что она сумасшедшая ("Одесский вестник", 1887, № 79). Как вам, кстати, созвучная одесская эпитафия:

"Сей эскулап имел успех,
Навел на кладбище порядок:
Он уложил сначала всех,
А после сам улегся рядом".

Кладбища у нас издавна были любимейшим местом гуляний, праздничных скандалов с мордобоем и похищением "деревянных и металлических украшений и даже целых чугунных решеток" ("Новороссийский телеграф", 1876, № 330). Поэтому места для продажи мороженого на главном некрополе стали настолько прибыльными, что на торгах в городской управе за них давали кругленькие суммы ("Одесский вестник", 1876, № 130). Впрочем, реестр кладбищенских услуг далеко не исчерпывался перечисленным: "Фотографический павильон, устроенный возле городского кладбища для снимков памятников и портретов с умерших, как слышно, имеет много работы. Владелец павильона жертвует 5% с каждого рубля в пользу приюта для нищих" ("Одесский вестник", 1876, № 206). И далее — пикантное уточнение: "Мы слышали, что при вновь устроенном возле городского кладбища павильоне для снимки портретов с памятников и мертвых будет устроена галерея, где будут снимать портреты также и с живых, за невероятно дешевую цену — 50 коп. дюжина. Впрочем, означенная дешевая цена

будет установлена исключительно для бедных" ("Одесский вестник", 1876, № 218).

Как раз в эти годы английские археологи производили раскопки погребений близ Тауэра, у церкви святого Петра, где во время оно хоронили казненных. Выяснилось, что некоторые могилы пусты: то есть Вальтер Скотт был совершенно прав, описывая в "Пертской красавице" имитацию казни через повешение подкупленным палачом. Мало того, история сохранила трагикомические сюжеты "срыва казней" по объективным обстоятельствам. В 1885-м в Англии не опустился помост, на котором стоял приговоренный, а в 1803-м в Австралии поврзлась намыленная веревка — обоих счастливиц помиловали ("Одесский вестник", 1885, № 45), в отличие от одного из отечественных декабристов.

Есть куча занимательных эпиграфов, однако наиболее впечатляющей представляется как раз приписка, сделанная мелом от руки на могиле некоего "доктора медицины": "Здесь лежит тот, благодаря кому вокруг лежат остальные". Сын авторитетного одесского "мебельного и гробного мастера" Владимира де Росси ("Одесский вестник", 1871, № 202) любил при всяком удобном случае блеснуть раскрученной цитатой из Александра Сергеевича относительно любви к отеческим гробам. А один из его коллег тоже как-то поэтически проникновенно обратился к потенциальным клиентам: мол, жизнь — вообще штука скверная, нет никакого резона ею заниматься; а между тем он, умелый организатор, может устроить похороны и погребение по высшему разряду, и притом столь дешево, что жизнь будет во всех смыслах оправдана ("Одесский вестник", 1887, № 36). Один остряк заранее приготовил эпитафию самому себе: "Наконец-то я, а то всё другие и другие". Это напоминает мне подлинный древнеримский надмогильный текст: "Что хотела, то и могла; что могла, то и хотела"; "Сладостная твоя Антипатра. Я не была. Я была. Нет меня. Нет у меня желаний"; "Луций Аккулей Сальвий, пока жил, хорошо жил".

Черный юмор — отдельная статья. Помнится, однажды по пьянке невольно пошутил тостом на годовщине у товарища: "Пусть тебе семья будет пухом!".

Большой «Фонтан»

Думается так будет называться дайджест, составленный из первых ста номеров журнала "Фонтан". Но это в будущем. А сейчас нельзя не поздравить вице-президента Всемирного клуба одесситов, редактора журнала "Фонтан" Валерия Хаита с выходом сотого номера. Тем более что его уже поздравила вся Одесса — и та, что у Черного моря, и та, что у Москва-реки, и та, что на Гудзоне.

А как не поздравить Валерия Горелова, построившего в нашем городе, начинавшегося с фонтана на Соборной площади, еще один "Фонтан", да еще какой!

А как не поздравить редакцию, писателей и читателей! Что мы и делаем. Тем более, что имеем на это право первой ночи, так как рождался замысел во Всемирном клубе одесситов.

А сейчас — представляем читателям газеты страницы из 100-го номера журнала.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Рисунок Резо Габриадзе

Ого! Уже сотый журнал "Фонтан"! Как быстро всё это вылетает! Отдельное спасибо издателю Валерию Горелову. Это ж надо так просто и долго... Спасибо редакции. Уже столько лет это издание смешно и неприбыльно украшает периодическую жизнь нашего города. Мудрого взгляда! Здравого смысла! Тонкого юмора! Громкого хохота! Юмор в Одессе — это сказать, не договорив, и засмеяться, не дослушав. Ваш через дорогу

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Валерий ХАИТ «...ТОЧНО ДЕПУТАТОМ БУДЕТ!»

Жил в Одессе замечательный человек Александр Менделевич Баренбойм. Фронтовик-танкист, блестящий педагог, мудрец. Как-то помню застолье в Доме актера. Тосты — один остроумнее другого, хохот, импровизации. Вдруг слово просит Александр Менделевич:

— Простите, пожалуйста, здесь выступало столько остроумных людей; позвольте сказать несколько слов просто умному человеку...

Михал Михалыч Жванецкий — об одном успешном одесском бизнесмене, к которому многие обращаются за помощью, и он никогда никому не отказывает:

— Вы обратите внимание, какой парадокс: богатеет он, а лучше становится всем вокруг!..

Знакомая ходит к стоматологу. Тот ей рассказал:

— Приходит ко мне старичок, возраст — лет девяносто. Я смотрю: все зубы отличные, белые, одна пломбочка всего, вторую пришел ставить. Я ему: "Скажите, как вам удалось сохранить зубы в таком отличном состоянии?". Тот мнется, отнекивается, и "неловко говорить", и "нет, мне неудобно"... Я ему: "Да вы не стесняйтесь, я же врач, мне все говорить можно". — "Нет, это стыдно и вообще... Ну ладно, я вам скажу, только тихонько... Понимаете, я никогда в жизни не чистил зубы".

Наталья ХАТКИНА Горький и слон

Когда мне исполнился годик, чего я, конечно, не помню, какой-то остроумный человек подарил моей маме (вроде как для меня) гипсового Горького. Писатель сантиметров в сорок — но все равно великий. Сидит на утесе, обхватив колено руками, и смотрит вдаль. Предположительно — на волжские просторы. Если сидишь на утесе, то куда еще смотреть? Впрочем, может быть, это был не утес, а пень. От спиленного величественного дуба, место которого занял великий русский писатель.

С того самого момента, как этот "бюст в полный рост" (так выразился даритель) был вручен маме, судьбы (моя и гипсового Горького) определились раз и навсегда.

Судьба Горького была незавидна. Его обрекли пылиться на шкафу. Меня судьба тоже не радовала. Подросла я. И как минимум трижды в год мама отдавала мне распоряжение: "Помой своего Горького!".

Мыть Горького было нелегко. В складки его романтической Иегудиил-хламиды забивалась пыль. Пень-утес тоже был в достоверную складочку. Проклятый реализм! Пыль из складочек приходилось выцарапывать спичкой с намоченной на нее ваткой.

Но вот что интересно: сколько у нас в доме с тех пор разбилось вазочек, сколько всего растряслось-потерялось при

переездах, — а Горькому хоть бы хны! Он все-таки великий был писатель. И деваться мне от него было некуда. Я тоже стала писать: сперва стишки, а потом и рассказы, — и потихоньку рассылать их в разные редакции. В журнал "Пионер", например. И тут наметилась интересная закономерность: как помою Горького — так меня и напечатают. Я радовалась. А вот вам всем! Пусть только теперь бабушка попробует обозвать меня "поэтессой сопливой"! Правда, она все равно обзывала, но в союзе с Горьким подобные гонения меня только укрепляли морально. И плюс зародились подозрения в необходимости сакральных действий. То есть совершения чего-нибудь бессмысленного (например, мытья бюста в полный рост) для получения чего-нибудь осмысленного (например, гонорара).

Шло время (мороз крепчал, смеркалось, вечерело). Горький приютился в кладовке рядом с двумя запасными заварочными чайниками. Он смотрит в стенку. Давно немытый. Зачем мне Горького мыть?.. Я теперь слона мою. И вот почему.

Одним очень позапрошлым летом затеяла я разборку кладовки и балкона. И как раз такая жара была! Мой друг Истриков, приглашенный на подмогу, просто изнемогал...

Мне было не легче. Для разрядки я рассказала

ему про сакральное мытье Горького.

— Так ты, может, что-нибудь такое помоешь, чтоб попрохладнее стало?

— Что?

— Ну вообще-то, у тебя тут много чего нужно помыть...

— Смотри, какой чистюля!

— Я не хотел сказать ничего плохого... Вот — слон. Попробуй его помыть. Вдруг жара спадет?

Это был не слон — так, слоник. Маленький белый слоник с воздетым хоботом. Из тех мелких вещичек неизвестного материала, которые как-то незаметно приживаются на полках. И там пылятся.

Идея помыть слона меня вдохновила. Я отправилась под холодный душ и плясала там вместе со слоником, накликавая дождь. Как — не помню. Мы, шаманки, обычно впадаем в транс.

К вечеру на город наплыли тучи. Свежий ветер сдул жару. Полил дождь и прибил пыль. Чахнувшие цветы и деревья воспряли. Дышать стало легко...

Теперь я каждый год в самую жару мою слона. И помогает.

А эти свои "заметки фенолога" я пишу в феврале (минус двадцать).

Что бы такое помыть, чтобы растаял снег и потеплело? Может, перевернуть слона вверх хвостом и залезть в горячую ванну?

И Горького туда с собой взять...

Многоуважаемая редакция журнала "Фонтан"!
Во-первых, от души поздравляю с сотым номером!
Во-вторых, намерена по этому случаю сделать вам небольшой подарок. В неопубликованном архиве вашего земляка Александра Козачинского обнаружилось письмо Ильфа. Приятная находка, верно? Хочется, чтобы читатели "Фонтана" познакомились с этим милым ироничным дружественным письмом первыми. Оригинал письма любезно предоставлен мне родственниками А.В. Козачинского (Москва).

Александра ИЛЬФ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ИЛЬИ ИЛЬФА АЛЕКСАНДРУ КОЗАЧИНСКОМУ

Абхазия
Гагры
Санаторий им. Сталина
Александру Владимировичу
Козачинскому
от И. Ильфа
Москва, 13 января 1932 г.

Дорогой и пр. Саша, писал Вам в Тифлис, знаю, что Вы письма не получили. Ввиду этого при всем своем отвращении к эпистолярной форме (она не созвучна эпохе) пишу снова.

Писать собственно не о чем. Кроме того, затрудняют запятые. Не знаешь, где их ставить. В романах этим заведует Женя. Он в дружбе с запятыми. Но писать вдвоем письма было бы уж очень глупо.

Итак, писать не о чем. Впрочем, жизнь прекрасна. Как Ваше здоровье? Этим интересуется полмира. Об этом, кажется, скоро будут печатать в "Известиях" в отделе "Котировка иностранной валюты". Что делается на узкой полоске земли, называемой Гаграми? В каком здании помещается санаторий, где Вы прогуливаетесь в голубом халате?

Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать а) роман из жизни, б) воспоминания о себе, в) еще что-нибудь интересное. Это было бы вполне уместно. Человечество этого ждет. Не откладывайте. Пишите.

Начать можно так:
"В тот поздний час, когда в городе тухнут электрические лампы и у всех подъездов прощаются влюбленные, я (или он, например, "Авель Левиафьян") вышел из дому..."

И так далее. Уверяю Вас, это не так трудно и во-

все не противно. Назвать можно так: "Возвращение", или "Похищение", или "Еду ли ночью по улице темной". Как Вы ни назовете, все будет хорошо.

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. "Еще одна халтура" или "Души А. Козачинского". И Вы сразу поймете, что жизнь усыпана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками.

Я живу, как червь. "Золотой теленок" пока не выходит, и кто знает, выйдет ли вообще. Хочется писать новый роман, но обстоятельства (все время необходимо кушать) мешают. Фотографией занимаюсь по малости и особым успехам не оказал.

Сбрейте бороду. Видел Ваш портрет и ужаснулся. К чему эти вторичные половые признаки? Вам и так поверят, что Вы мужчина. Поскорее снимите свою тамбовскую бороденку.

Видел Ваши сурамские фото. Вот Вы уже пошли по протоптанной дорожке индустриальных мотивов. Нет, пишите романы, а мотивы <нрзб.> Шайхет. Про дорожку я, конечно, выразился в шуточном роде.

Ну, что еще. Москва сияет, освещенная тысячами ламп. Пройти по ней в третьем часу ночи хорошо. Чисто, светло, людей нет, кой-где воет запоздалый и пьяный вурдалак.

Кланяется Вам Маруся. Я тоже кланяюсь. Адрес мой Вам известен, однако на ответе не настаиваю. Хотите — пишите, хотите — не пишите. Все же буду рад прочесть что-нибудь о Вас из достоверного источника, коим, конечно, Вы и являетесь.

Ваш Илья

Публикация Александры ИЛЬФ

Игорь ИРТЕНЬЕВ В ЭТОТ ДЕНЬ...

В международный
женский день

Восьмого марта
В шелка любимую одень,
В парчу и бархат.

Вручи французские духи,
Помады тубик,
Прочти Иртеньева стихи, —
Она их любит.

Купи каких-нибудь цветов —
Мимозы той же.
Чем больше навертеть понтов,
Тем выйдет тоньше.

Едва проснувшись поутру,
С подругой милой
Затей любовную игру,
Но не насилуй.

Попробуй также в этот день
Не материться,
Поскольку мат бросает тень
На материнство.

Поддай ей кофею в кровать,
Помой посуду...
Короче, дальше утомлять
Тебя не буду.

И если гордость задушить
В себе сумеешь,
То праздник этот пережить
Ты шанс имеешь.

Рисунок Резо Габриадзе

Георгий ГОЛУБЕНКО

«НЕ ВИЖУ ВАШИХ РУК!»

— Кто его привез?
— Кто его привез?! — спрашивали друг у друга одесские антрепренеры.
— Это же такая звезда! Он же стоит столько денег!
— Ой, я вас умоляю... По-моему, он вообще ничего не стоит!..
— Да. Но он же их требует! Вот вы, например, могли бы себе позволить привезти его в Одессу?
— Нет.
— И я нет. Даже сам Варпаховский, наверное, не смог бы себе позволить привезти его в Одессу!..
— Ну, сам Варпаховский, наверное, бы смог, но ему бы не позволила его совесть!
— Так кто же его привез?!
Удивление достигло наивысших пределов, когда стало известно, что звезда будет выступать не в филармонии, не во Дворце спорта и даже не на стадионе, а — где бы вы думали? — на толкучке!

Знаменитый одесский "седьмой километр" тем незабываемым субботним вечером предвкушал встречу с прекрасным. Известные на весь мир своей прирожденной хитростью три тысячи одесских торговцев заперли на ночь свои контейнеры, забытые костюмами от Диора, обувью от Труссарди, косметикой от Коти — в об-

щем, всем тем, что производится трудолюбивыми турецкими умельцами в беднейших кварталах Стамбула. Торговцы раздвинули свои прилавки и пестрой толпой заполнили образовавшуюся площадь.

— Приветствую вас, одесситы! — прокричал им звезда, появляясь на импровизированной сцене.

— А-га-га-га-га-э-о-у-фью-у-у-и-ить!!! — ответила толпа.

— Не вижу ваших рук! Руки над головой! — издал звезда боевой клич всех уважающих себя эстрадных звезд. И тысячи рук взметнулись над головами.

А потом он всю ночь пел им свои шлягеры, не забывая время от времени напоминать про руки.

И в свете прожекторов эти руки, натруженные от постоянного пересчитывания денег, метались над головами и бились друг о друга, как экзотический лес, застигнутый ураганом...

Три тысячи торговцев было той ночью на площади. Утром, когда концерт был окончен и звезда благополучно улетел в Москву, одесская милиция выяснила, что той ночью на площади произошло две тысячи семьсот восемьдесят девять карманных краж.

После чего вопрос: "Так кто же его привез?" — отпал сам собой.

Михаил ВЕКСЛЕР

...ОСТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖИТСЯ

О здоровье: было, но не
Приложилось остальное.

* * *

Если Бог
напасти рассылает,
Он и обо мне не забывает.
Но когда он раздает удачу,
Я не попадаю под раздачу.

* * *

Быть можно
дельным человеком, —
Сказал поэт, —
и красить веко.
А можно быть
аристократом
И ру — при этом —
гаться матом.

XXI

Казалось бы, новая веха.
И что же?
Похоже, все то же.
И только ровесники века
Значительно
стали моложе.

ТУРИЗМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО СТОЛЕТИЯ

У кого нет "зелени"
На машину времени,
Те обычно пёхом
Чешут по эпохам.

Ирина ЧИЧИКОВА Роман Полански. Жизнь как роман

— **Господин Полански, какие фильмы, увиденные в юности, произвели на вас наиболее сильное впечатление?**

— Сразу после войны, мне тогда было 12 лет, на польские экраны одновременно вышло несколько американских фильмов. Я посмотрел "Робин Гуд" с Эролом Флинном в главной роли, и для меня это стало сенсацией. Но не могу сказать, что впечатление от картины было неизгладимым, все-таки я достаточно быстро начал приобретать вкус к хорошему кино. А тогда я смотрел все без разбора. Но вот надолго в моей памяти осталась лента Кэрола Рида "Те, кто не нужен, уходят" (другое название "Третий лишний"), позже — "Гамлет", а еще позже — "Гражданин Кейн" Орсона Уэллса. Вот этот фильм я, пожалуй, назвал бы фильмом всей своей жизни.

— **Как вы работаете с актерами: позволяете ли им импровизировать, либо всегда подчиняете своей воле, своему видению?**

— Знаете, актеры — это просто люди, нет людей абсолютно схожих друг с другом и физически, и ментально. Потому, когда работаешь с разными актерами, невозможно использовать один и тот же подход. Если вам нужен наилучший результат, придется стать психологом. К счастью, я понял это довольно рано, когда снимал свой первый полнометражный фильм "Нож в воде". У меня был опытный актер, которому стоило показать, чего я хочу, и он немедленно это делал. Но с другой стороны, был актер начинающий, который делал лишь то, что шло от его сердца. И я интуитивно почувствовал, что если бы начал ему что-то показывать, то он впал бы в ступор, вообще не смог бы играть, и мне пришлось бы создавать соответствующую атмосферу, чтобы он делал что-то спонтанное. А еще в этой картине была девушка, что называется натурщица, с ней вообще нужно было работать как с марионеткой.

— **В свое время вы пригласили на главную роль в картину "Ребенок Розмари" режиссера Джона Кассаветиса. Тяжело ли режиссеру было руководить режиссером?**

— Я выбрал Кассаветиса, потому что считал, что он подходит на эту роль, но помимо этого, я его хорошо знал, и мы были друзьями. Студия не пришла в восторг от моего выбора и, должен признаться, что я иногда сам жалел, что затеял это. Во время съемок с Джоном было очень тяжело, он не хотел подчиняться мне, его игра была полной противоположностью игре Мии Ферроу, и если бы не ее такт, даже не знаю, чем бы вообще все это закончилось. Кстати, в этом фильме у меня снимался еще один режиссер — Джон Хьюстон, и вот с ним у меня не было никаких проблем.

— **"Молодость" — фестиваль дебютов и, естественно, плох тот дебютант, который не мечтает о славе Романа Полански. Можете ли вы с высоты своего опыта дать какие-то советы начинающим режиссерам?**

— Я мало езжу по фестивалям, а потому редко смотрю дебюты. Посоветовать, как снять такой фильм как "Нож в воде", боюсь, не смогу, наверное, это вопрос юности. Но хочу напомнить, что "Оливера Твиста" написал человек, которому было всего 25 лет. А "Гражданин Кейн" — тоже дебют, просто дьявольски талантливый дебют. Единственный совет, который я могу дать молодым жаждущим успеха режиссерам: внимательно смотрите то, что снимали до вас.

Журналисты благодарят Полански за то удовольствие, которое он доставил им "Оливером", и аплодируют ему. Полански польщен и признается, что никогда за всю свою карьеру не получал аплодисментов от киноκριтиков. Меня, если честно, "Оливер" в его интерпретации разочаровал. Атмосферу старой Англии, всех этих овечьих скорбей рабочих домов и

воровского дна режиссер передал отлично, но вот сам роман перекроил и вывернул наизнанку. У него трагические персонажи — совсем не убиенная Нэнси и даже не скиталец Оливер, а старый вор Фелдджин в исполнении блистательного Бэна Кингсли. Зачем режиссеру понадобилось мелкого негодяя делать мучеником? Неизвестно. Может быть, ему показалось, что Диккенс слишком однозначен в своем определении добра и зла, и Полански решил эту однозначность разрушить.

— **Хотя Диккенс описывал Англию 19 века, такое впечатление, что вы черпали вдохновение в своем детстве...**

— Я не могу сказать, что детство Оливера — это мое детство, но многое в фильме действительно имеет отношение к моим детским переживаниям. Можно сказать, что мои скитания тоже закончились хэппи-эндом. Наверное, вы знаете, что мать моя умерла в Освенциме, отец тоже попал в концентрационный лагерь, и после войны меня взял в свою семью дядя. Нас, детей, было несколько, и главным нашим развлечением стало радио (во время войны за радио могли расстрелять, но уже наступило мирное время, потому мы могли слушать его совершенно открыто). И вот однажды радиостанция пригласила детей прийти в студию. Я пошел, познакомился с одним из актеров и с режиссером, который, помимо того, что делал шоу на радио, еще и работал в театре. Благодаря ему я получил роль в спектакле "Сын полка" по Валентину Катаеву. Это изменило всю мою жизнь. Я играл в театре, но тайно мечтал о режиссуре, а вот теперь, когда порой ощущаю ностальгию по актерской игре, иду сниматься, например, к Вайде.

— **Почему вы вдруг решили обратиться именно к детской аудитории?**

— Я считаю, что мой фильм можно посмотреть и в 9, и в 99 лет. А взялся за "Оливера" я потому, что, во-первых, Диккенс прекрасный рассказчик, в его книгах много юмора, гротеска, ярких персонажей, а режиссер, на мой взгляд, тоже должен в первую очередь уметь рассказывать историю. Когда я был ребенком, то видел экранизацию "Больших надежд" Дэвида Лина, она мне очень понравилась, и я еще тогда подумал, что если у меня будет возможность, то я экранизирую одну из Диккенсовых книг. А во-вторых, мне хотелось сказать детям то, о чем с ними почти не говорят именно из-за того, что они дети. Я вообще считаю, что мы сильно недооцениваем эту аудиторию, снимаем для них фильмы по шаблону: в одном говорим прописные истины, во втором эти истины повторяем. Дети привыкают к таким фильмам, как к "Макдональдсу". Честно говоря, в наше время очень трудно делать фильмы для юной аудитории без спецэффектов, это не значит, что сам я их вообще не использую, просто стараюсь не выпячивать. Я хочу, чтобы моя картина дошла до детской души, чтобы ребенок потом еще какое-то время размышлял над ней.

— **Как проходил кастинг на роль Оливера, и сложно ли вам было работать с детьми?**

— Первоначальный отбор проводил директор по кастингу: пришло около 300 детей, всех их снимали, потом для меня отобрали 30 записей. Я просмотрел их и выбрал четырех мальчишек, которые, по моему мнению, подходили на эту роль. На них надели костюмы и провели полноценные пробы, хотя сразу было ясно, что Барни Кларк — наилучший претендент на эту роль. Теперь насчет работы с детьми... Когда я заканчивал киношколу в Лодзи, меня учили, что когда ты работаешь с детьми и животными, увеличивай в два раза время, отведенное на съемки. Так вот, это неверное утверждение, снимать детей мне было намного легче, чем взрос-

лых актеров. Не знаю, что тому причиной, может быть, уравновешенный английский характер, но они были максимально дисциплинированы и вели себя на редкость прилично. Но стоило им покинуть съемочную площадку, как из них начинала выходить дурь. Признаться, я наблюдал за ними с удовольствием, потому что убеждался, что они нормальные дети.

Но вот, что касается животных, то преподаватели из Лодзинской киношколы тоже оказались неправы, на съемки с животными надо отводить время не в два раза больше, а в двадцать два.

— **Большинство ваших фильмов — о темной стороне жизни и человеческой души, потому в них много жестокости, насилия, боли, а существуют ли вещи, показать которые не решитесь даже вы?**

— Если исследовать конфронтацию добра и зла, то между ними нет какой-то четкой границы. Даже в монстре можно найти человеческие черты. Пример тому — Фелдджин из "Оливера". У Диккенса не сказано, что он раскаивался, но в фильме я позволил себе сделать его более человечным.

— **Как вам работало с сэром Бэном Кингсли?**

— У Кингсли потрясающая универсальность, он буквально перепрыгивает из роли в роль. Вот сыграл у Перельмана в "Доме из песка и тумана", потом в "Сексуальном чудовище", потом у меня в "Оливере". А ведь это три совершенно разных характера.

— **В "Оливере" эпизодическую роль сыграла ваша дочь. Вы таким образом готовите ее к актерской карьере?**

— Мои дети всегда сопровождают меня во время съемок, особенно если съемки проходят на летней натуре. Я даю им роли, которые остаются для меня чем-то вроде сувениров на память. Это всегда очень маленькие роли, которые не могут повлиять на окончательный результат работы. Я бы не хотел, чтобы люди знали, что это именно мои дети, но не упомянуть их в титрах я не могу, иначе они обидятся.

Моему сыну было пять лет, когда я закончил снимать свою главную на сегодняшний день картину "Пианист" (все, что я делал до этого, было лишь репетицией). Так вот, сын был на съемках, потом смотрел готовый фильм и сказал, что он ему понравился. А затем подумал и добавил: "Но "Человек-паук" все-таки лучше!". И я понял, что должен снять картину, которая была бы ему понятнее. Вот вам еще одна причина, почему я взялся за "Оливера".

— **Чем старше мы становимся, тем больше нуждаемся в любви и, порой не найдя ее у людей, привязываемся к книгам, вещам. Есть ли у вас вещи, хоть в какой-то мере восполняющие недостаток любви?**

— Знаете, наверное, мне повезло в жизни, но я не нуждаюсь в заменителях любви. У меня счастливая семья, дети, и как только появляется свободная минутка, я провожу ее с ними. Живое общение ведь ничем не заменишь. Возможно, это компенсация за те страдания, которые я перенес в юности.

— **Каковы ваши ближайшие планы?**

— У меня нет определенных проектов, я вообще завидую людям, которые могут снимать фильм и уже думать о каком-то следующем фильме, у меня это просто не получается.

— **Хорошо, а есть ли у вас какие-то нереализованные проекты?**

— Лет 15 назад я хотел снять "Мастера и Маргариту", фильм уже был в предпродакшне, но "Уорнер Бразерс" засомневалась в финансовой отдаче от этой картины, и фильм был приостановлен.

— **А есть история, которую вы, как и "Пианиста", давно вынашиваете?**

— Если бы была, я б ее давно уже снял.

Фото Алексея Садиленко

Не стал в этом году генеральным директором Киевского международного кинофестиваля "Молодость" Андрей Халпахчи распыляться по мелочам и пригласил на открытие 35-го, юбилейного кинофорума, самого Романа Полански.

Шансов, что тот приедет, на мой взгляд, практически не было: страшно занят, участия в фестивалях избегает, гонорары запрашивает звездные. Но вот непредсказуемый Полански взял да и приехал, и не с пустыми руками, а с премьерой своего последнего творения "Оливер Твист" (экий поворот сразу после "Пианиста"). Казалось бы, добродушный Диккенс и яро-стый Полански совершенно несовместимы. Но так думаешь до того момента, пока не увидишь самого Полански. Вот на сцену взбегает такой себе седовласый мальчуган ростом 155–160 см и принимает из рук президента Ющенко почетного "Скифского оленя" за вклад в киноискусство. У Диккенса полным-полно таких старых мальчишек, да плюс в большинстве его романов витает таинственная и мрачная атмосфера, а Полански в ней чувствует себя как рыба в воде.

72-летний Раймунд Полански (так звучит его настоящее имя) всю свою жизнь исследует природу зла, его интересуется столкновение с ним человека, извечное противостояние, из которого мы далеко не всегда выходим победителями. Полански ни в коем случае не злорадствует, он просто констатирует факт. И ему можно верить, потому что ребенком в краковском гетто он столкнулся со злом лицом к лицу. Оно было в сером безликом мундире и с

потрясающим равнодушием заглохило его бедную мать. Но самому Ромеку зло позволило выжить, однако такое впечатление, что Полански всегда чувствовал рядом его присутствие и иногда даже позволял завладеть собой. Конечно, на время. Вот самые мрачные факты его биографии: детство в гетто, трагическая гибель беременной жены Шерон Тейт от рук сатанистов, обвинение в изнасиловании 13-летней девицы, побег от тюрьмы во Францию...

Редко когда биография режиссера еще более впечатляет, чем снятые им мистические триллеры. Но жизнь Полански именно такой случай, не зря он назвал свою автобиографию "Роман". Не сомневаюсь, что очень скоро это произведение кто-то экранизирует, может, даже сам Полански. С него станется. А потом — он же действительно в материале.

Интервью метр мирового кино давал в отеле "Редисон-Славянская". Он вышел к прессе несколько помятый и раздраженный, попросил кофе и, подкрепившись таким образом, вдруг затеял скандал по поводу переводчицы, которая якобы переводила его не дословно. Переводчица краснела и белела, Полански демонстративно порывался уйти. Чувствуя, что пресс-конференция на грани срыва, Андрей Халпахчи призвал в переводчики Анатолия Ярему, который от волнения все время путал русский с украинским. Заметно освеженный этим мини-скандалом хулиган Полански (видимо, он просто решил поиграть в капризную звезду) смягчился и стал любезно отвечать на вопросы журналистов.

Мария ГУДЫМА ЖЕНСКИЕ ШТУЧКИ ТАТЬЯНЫ ГОНЧАРЕНКО

Безусловно, Таня является одной из красивейших, наиболее женственных и узнаваемых художниц нашего города. Ее внешние данные и внутренний мир находят в удивительной гармонии, которую она воссоздает на полотне, реже — на листе бумаги. Говоря об истоках образного мира того или иного художника-мужчины, исследователи обычно "ищут женщину". В нашем случае, конечно, все иначе. К поискам живописных предметов—"кайфиков" Татьяну Гончаренко приобщил ее дядя, Борис Нудьга. Старинные ноты, исписанные бисерным почерком открытки, фарфоровые фигурки, посуда, цветы — все обретает на Таниных картинах вторую жизнь, и даже нечто большее. Каждый объект здесь больше чем предмет, хотя бы потому, что является принадлежностью невидимой нам лирической героини картины, выразителем ее духовного мира, философии, требующей красивого оформления быта.

Татьяна восхитительно несовременна. Впрочем, некоторая старомодность теперь признана в Европе высшим шиком. Но попробуй быть шикарной и пополнять свою коллекцию "кайфиков" на Староконке, когда ты не можешь вписаться в нынешний арт-рынок, условия которого требуют "к такому-то числу написать двадцать картин определенной тематики".

— Нескромно так о себе говорить, но меня даже подделывать трудно, — улыбается Татьяна. — Лестно, когда тебя копируют и тиражируют, только все знают, что писать в моем ключе очень тяжело, невыгодно. Лучше за это же время закрасить десятка два холстов в иной манере, чем тратить зрение и дрожать над каждым бликом на жемчужинке, над каждым рефлексом на раковине. Никто, кроме меня, не будет так себя мучить! И потому — безошибочно узнаваема. Один мой учитель, Геночка Гармидер, как-то спросил меня: "Таня, вы не хотите похулиганить на холсте?". Да нет, хулиганов в живописи и без меня достаточно. Всех удивляет моя зажатость в рамках рисунка, академической манеры, в глубине души мне хочется большей смелости, легкости, не бояться испортить работу. Возможно, это еще придет.

Одно из неизбежных требований современных арт-дилеров связано с необходимостью повторять некоторые работы. Для Тани такое неприемлемо, она понимает, что во второй раз получится плохо. Нет, халтура ей не свойственна, однако той Живописи с большой буквы уже не случится, появится определенная сухость, схематичность, а раз писать неинтересно будет Татьяне, смотреть будет неинтересно никому.

Одному из одесских художников, также не пожелавшему повторить свою работу, несостоявшаяся покупательница пригрозила: "Дам фотографию картины какому-нибудь студенту "Грековки", он мне напишет такую же, и дешевле!". Но в случае Татьяны такое невозможно, студент откажется...

Пройдя путь увлечения букетами, фарфором, открытками, попугаями, Таня создала серию живописи и графики с разорванной ниткой жемчуга и морскими раковинами. Матюшность ракушки в сочетании с мерцанием жемчужин — интереснейшая живописная задача. Танина мама и главный учитель, художница Вера Павловна Кулигина, напутствовала ее: "Не бывает двух одинаковых жемчужин в одной нитке, если, конечно, жемчуг натуральный. Все жемчужины разного цвета и разной формы". Вот Таня и кладет крошечные перламутровые мазки, выписывает каждую бусину, которая на ее картине просто светится. А еще ведь надо передать структуру кружева, хрупкую яркость китайского зонтика, фактуру бархатного бантика (когда-то он украшал декольте бабушкиного платья эпохи нэпа), атласной ленты, которая, кажется, вот-вот соскользнет с туалетного столика... Ощущение так называемой "русской обманки", которая сама по себе способна при-

вести зрителя в восторг, — далеко не все, к чему стремится художница.

— Раковина, фаянс, фарфор несут довольно большой груз времени и очаровывают своей весомой красотой, — подчеркивает Таня. — Мне бывает очень трудно передать их тяжесть, неисчерпаемую привлекательность. До сих пор кто-то хочет иметь такие вещи в доме в виде предмета или же в виде живописи. Если удастся написать их так, как задумывалось, — я счастлива. Но всегда стремлюсь чему-то незбылемому, прочному противопоставить легкость рассыпанных перьев или лепестков, чье существование сиюминутно и недолговечно, как жизнь в целом. На первый взгляд, на картине изображен набор красивеньких вещей, только тут еще и настроение, может быть, немножко минорное, в этом тоже есть красота, располагающая к покою, раздумью, но раздумью жизнеутверждающему.

С перьями как предметами живописи Татьяна испытывает трудности. Ее мечта написать старинный перьевой веер пока не осуществилась из-за того, что подобные вещи не дошли до наших дней, их давно уничтожила безжалостная моль. Наша героиня зарисовывает отдельные подаренные друзьями перья, перламутровый остов ручки веера, запечатленный на фотографии. Когда-нибудь ей удастся написать веер целиком, скорее всего, он будет насыщенного малинового или сиреневого цвета, со множеством градаций и переливов. Такие цвета особенно любимы Татьяной. А задуманная ею серия "Особняк" предполагает написание и вееров, и фаянса, и гобеленов, и самого старинного здания с прилегающими террасами, аллеями сада, парковыми скульптурами. Тут помогают воображение и открытки столетней давности.

И все-таки чаще Таня Гончаренко пишет предметы с натуры, находясь в плену светового дня и не признавая во время работы электрического освещения. Многие ее приятельницы, приобретая в дом какую-нибудь занятую вещь, сперва одалживают ее Татьяне, чтобы написала. Так к ней попала купленная на Староконном рынке терракотовая емкость для кофе с изображением увядающих маков. Рядом с посудой был положен тряпичный мак, рассыпаны кофейные зерна — получился прелестный натюрморт, занявший достойное место в одной из одесских кофеен. В пару к нему потом был создан и другой, с красной антикварной чайницей, украшенной все теми же излюбленными художниками эпохи модерна маками. Возле таких работ вдвойне приятно испить кофейку или чаю — время останавливается...

Один далекий от сантиментов господин, поместивший у себя дома Танину картину, признался, что каждый вечер рассматривает ее, получая полное успокоение или, по его собственному определению, релаксацию. О психотерапевтическом значении своего творчества художница до сих пор не задумывалась, но очень обрадовалась, что ее картины воспринимаются не только в качестве интерьерного

пятна. Для нее самой прекрасной разрядкой служит посещение художественных выставок, особенно порадовала экспозиция Николая Шелюто, которую Татьяна посмотрела не однажды, упиваясь легкостью мазка, пытаясь для себя определить, из чего соткана та или иная картина, натурный этюд. Искренне радуется она и удачным работам художников-сверстников. А они, в отличие от Татьяны, более склонны фантазировать, нежели очаровываться предметами, которые, по их мнению, делают картины художницы слишком литературными. Мне же Танины фантазии кажутся наиболее безудержными, ведь нет и уже никогда не будет столь красивого быта, красивых чувств, открыток, исписанных столь изысканным почерком, не говоря уже о благородном содержании. Хочется, пусть даже повторяясь, говорить о Татьяне Гончаренко как о необычайно женственной художнице, пытающейся передать ее очевидную трепетность и неоспоримую оригинальность в словах, но для этого нужно быть поэтом, друзья мои... А посему взгляните на ее картины, задержитесь у них, используйте удивительную возможность стать хоть чуть-чуть здоровее душой.

Фото Олега Владимировского

Виктор НЕЧАЕВ

Мой пес Джим

У меня красивый пес
Мокрый и холодный нос.
Он то бегаёт, то лаёт,
То под окнами скулит
Его вся округа знает
И погладит норовит.
Он глазами лишь смеется,
Суетится, мельтешит,
На подачки не ведётся
И кусаться не спешит.
Любит он кефир и сушку,
Ест бананы и творог.
Любит он свои игрушки,
Их положит на порог
Сам у двери ляжет рядом,
Занавесится хвостом,
Любит, чтобы был порядок,
Стережет хозяйский дом.

Соседский кот

К нам во двор который год
Забредает рыжий кот.
Ходит строго по маршруту,
А не просто как-нибудь,
Неизменный атрибут
Свой он отмечает путь.

Метит стены и ворота,
И пенки себе под стает.
Одеваться неохота,
Чтоб пойти его прогнать.
Если б Джим повелся круто
И на тот момент не спал,
Он kota бы с атрибутом
На кусочки разобрал.

Воробей

Разогнался воробей,
Чтобы клюнуть поскорей,
Червячка, что зазевался
В неспешности своей.
Как ракета он промчался,
Чуть за ухо не задел,
Но на зуб коту попался,
Свой у каждого удел.

Март

Март заискрился лучами слепящими.
Крыши, как будто очнувшись от сна,
Затарахтели капелью звенящею
Мир возвестив, что приходит весна.
Море вздохнуло волною мятежною,
Радугу в брызгах своих затая,
Пеной окутавши камни прибрежные,
Вновь расцвело, как улыбка твоя.
Птицы запели шальными мотивами.

Женщины, сбросив излишки тряпья,
Все до единой вдруг стали красивыми,
Воздух дурмана, как запах жнивья.

Ультрашикарные и современные,
Взглядом буравя и жестом маня,
Мягкие, чуткие, очень надменные
Ранней весной наполняют меня.

Стамбул

Бреду по улочкам Стамбула,
Тесным пестрою толпой,
Уставший от людского гула,
Что мельтешит передо мной.

Здесь шумно все и интересно,
И водку тут никто не пьет,
Паромам шустрым в бухте тесно,
Здесь все движением живет.

Движенье красочных тюбанов
В мечетей вычурных дворах,
И грозный турок с ятаганом
Здесь на зевак наводит страх.

Здесь набережным нет предела,
А с высоты крутых мостов
Я на Босфор гляжу несмело,
Не находя достойных слов.

Здесь вдоль причалов и где-либо,
В тенистых парках и садах
Царит духман горелой рыбы
И дым каштанов на углях.

Здесь шаурма и чебуреки,
Здесь для обжоры сущий рай.
Вам турки продают и греки
И носят ароматный чай.

Мальчишка в латаной тунике
Тележку катит и поет,
И холм слежавшейся клубники
Вам за бесценок отдаст.

С моста в залив плюется метко,
Что Золотой зовется рог,
Верхом на шаткой табуретке
Весь черный, чистильщик сапог.

А в мегафоны с минарета
С курчавой бородой мулла,
Чтоб было слышно всему свету,
Кричит призывно "ву-алла!".

Тут изумрудные фонтаны
Хранят прохладу вечеров,
И призрак гордой Роксоланы
Здесь где-то бродит меж холмов.

Виктор РУБАНОВИЧ

ПАРОДИИ

Лох-несский монстр и как бы о нем написали...

ПЕСНЯ ПЛЕЗАВРКИ

(Яков Полонский)

Мой Лох-Несс в тумане дремлет;
Спит в деревне селянин...
Ночью нам никто не внемлет,
Мы сойдемся у руин.

Догорит свечи огарок,
И с рассветом я, друг мой,
Уплыву с гурьбой плезаврок
За добычей кочевой.

На прощанье хвост мой с гривой
Ты морским узлом стяни,
Чтоб иной плезавр игривый
Не обидел в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Может, завтра зверобой
Отловив меня, развяжет
Узел, стянутый тобой.

А полюбит коль другая,
Вспоминай меня, скорбя,
В час, когда она, лаская,
Будет в лапах у тебя!

Мой Лох-Несс в тумане дремлет;
Спит в деревне селянин...
Ночью нам никто не внемлет,
Мы сойдемся у руин.

(Саша Черный)

Вышла монстриха из пены,
Грациозна и гриваста,
Огляделась осторожно,
Отряхнула томно ласты.

И медлительным движеньем
Уложила бюст на гравий, —
Я не видел в мире жеста
Плотоядней и лукавей.

Описать ее фигуру —
Надо б красок сорок ведер...
Даже Пильский восхищался б
Формой лап ее и бедер.

О горбах, истоках страсти,
Говорить вам вряд ли надо —
Перед ней застыли б в шоке
И д'Ор, и Аминадо.

Наблюдая неотрывно
Сквозь кусты за этим дивом,
Я затыгивался трубкой
В размышлении игривом:

Берег озера безлюден —
Для кого ж средь этой прозы
Нужно монстрихе игривой
Принимать такие позы?

Но пока в кустах на травке
Я искал сему разгадку,
Появился монстр из пены
И обнял подругу хватко.

И тогда она с улыбкой
Приняла такую позу,
Что из трубки, поперхнувшись,
Я глотнул двойную дозу.

ОПТИМИЗМ

(Давид Бурлюк)

Каждый молод, молод, молод,
В животе чертовский голод,
Так плывите же за мной
Строем по одной!

Осень... голодуха... слякоть...
Мы давно объели мякоть.
Даже камни на пути
Могут в пищу нам идти.
Будем лакомиться скоро
Не лох-несской чахлой спорой —
Лососиной, иваси —
Снеди пропасть на Руси...
Каждый молод, молод, молод,
В животе все тот же голод.
Ешь, хоть лопни, пустоту,
Глубину и высоту!

ЭТО БЫЛО
В ЛОХ-НЕССЕ

(Игорь Северянин)

Это было в Лох-Нессе,
где под ропот гобоя
Даль вуалят туманы и трелит менуэт...
Вы плескались нагая

в грациозе прибоя,
И, любуясь прибором, Вас увидел поэт.
Он примчал в ландолете
анабены в шампанском,
Каулерпы в ликере, спирогиры*
в суфлэ.

Был он в чем-то лиловом,
был он в чем-то шотландском,
И его Вы манили
в свой лазурный шалэ.
А потом отдавались,
не избегнув соблазна,

Отдавались плезавру
под вервэновый блюз.
То элежно-позерно,
то грезерно-фантазно,
То crescendo, то piano —
a la lettre en russe**.
И стоял, огневая, от экстаза неистов,
Исторгая обиду безвопросно остро,
Виртуоз грезофарсов,

Эгобог футуристов
На пуанте бессилья,
прочь отбросив перо.
Взвыл плезавр гривуазно,
взяв финальную ноту,
Растворялись плерезы
в алой сони зари...
Это было в Лох-Нессе.
Это было в субботу.
По-русскому — в полночь.
А по Гринвичу — в три.

* Анабены, каулерпы, спирогиры — названия водорослей, произрастающих на дне Лох-Несса
** Буквально в русском духе (фр.)

(Максимилиан Волошин)

Очнулся я от пут неверия и фальши,
Молю — надежд моих, Господь,
не угаси!

Средь киммерийских гор
я жить не мыслю дальше,
Когда не буду знать, что рядом Ты еси.

Я сам — уста Твои,
безгласные как камень,
Но я сорву с себя оковы немоты.
Я — шерсть Твоих горбов,
я глаз застывший пламень,
И гривую своей горжусь я, как и Ты.

Клоки косматых трав
загадочны и хмуры,
Таинственны в ночи сырые глыбы скал.
Мне чудится в волне
мельканье серой шкуры,
Движение тяжких лап и челюсти оскал.

Явленья Твоего я жду нетерпеливо,
И чтоб снести я мог
свой жребий роковой,

В обрывистой скале,
замкнувшей зыбь залива,
Вблизи от своего
я высек профиль Твой.

АХ, МИСС, УЖЕ
ВЫПАЛА ГРИВА...

(Александр Вертинский)

В лососево-крабном Лох-Нессе,
У крепости, без пижама
Кокетка, беспутница Несси, —
Она меня сводит с ума.
Всю ночь ей любовник косматый
В тумане на влажном песке
Играет концерт Сарасате,
А я напеваю в тоске:

"О, мисс, уже скрипка устала,
А Вы обратились в "зеро"!
Взгляните, как подле причала
Тоскует Ваш верный Пьеро!
Я жажду Вас снова и снова!
Я гибну в любовном огне!
Когда же Вы скажете слово,
Когда приплывете ко мне?"

Как в грезях, даря мне улыбку,
Роняет она наяву:
"Мой друг!.. Вот дослушаю скрипку...
Вы ждите... Я к Вам приплыву..."

Две дочки — мои ангелята —
Давно завелись у меня.
И все, чем пылал я когда-то,
Исчезло, как дым без огня.
Но вижу ее в пене нежной,
Как в платье "Мэзон Лавалетт",
И снова, совсем безнадежно
Пою я спустя много лет:

"Ах, мисс, уже выпала грива
И ладаном пахнут горбы!
Зачем же, как прежде, игриво
Вы ждете каприза судьбы?
Беззубый Ваш рот, словно дверца,
И нечем Вам грызть и жевать.
Зачем Вы вползли в мое сердце,
Как кошка в чужую кровать?"

И вдруг из холодной купели
Мучительный стон слышу я:
"О, как же вы мне надоели!
Я Вас проглочу, не жуя!"

ПОДРАЖАНИЕ
ШОТЛАНДСКОМУ

(Анна Ахматова)

Мальчик мой, рыбак мой нежный,
В юбке, в куртке голубой!
Я лежу в волне прибрежной,
Закрасневшись пред тобой.
На веку своем немало
Я любила, не любя.
О, зачем я принимала
Слишком многих за тебя!
Пробуди былые силы,
Убаюкай в сердце боль!..
Что ж молчишь ты, мальчик милый,
Сероглазый мой король?
Вскрикнул отрок: "Мне форели
Не поймать здесь, хоть убей!..
Тщетно пахли иммортели
В гриве спутанной моей.
Ни мольбы, ни слез, ни стоны,
Только в накипае пен
Вместо марша Мендельсона
Грянул марш funebre*... Шопен...

* Траурный марш (фр.)

(Борис Пастернак)

Ползла тумана борода
Во все пределы.
Кипела в озере вода,
Вода кипела.
И под распутицей небес
К финальной драме
Спешили чудища в Лох-Несс,
Как мошки в пламя.
На облаках под стон и храп
Метались тени,
Скрещенья шей, скрещенья лап,
Хвостов скрещенья.

Кипела в озере вода
В любовной смуте.
А мне хотелось, как всегда,
Дойти до сути.
До днища вспененных пучин
И, хоть отчасти,
До смысла, целей и причин
Плезавррей страсти.
Чуть ночь, и вновь разгадки тень
Вилась в соблазнах,
И дольше века длился день
В исканьях праздных.
И мысль являлась иногда:
Что мне за дело —
Кипела в озере вода
Иль не кипела?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ПЕСНЯ

(Вера Инбер)

Мирно спит на задних лапах
Маленький урод.
Ты не создан, чтобы плакать,
А наоборот.

Засыпаешь очень поздно,
Позабыв про снедь,
Но поэт на то и создан,
Чтоб тебя воспеть.

Ты стихов моих ни разу
Не читал, родной.
Привыкай к ним, пучеглазый,
Монстрик дорогой.

А как вырастешь смелее,
Покорись судьбе —
Красный галстучек на шею
Повяжу тебе.

И по дну, свиваясь в кольца,
Поползешь тишком,
Станешь ярым комсомольцем
И большевиком.

Налепив цветные марки
Письмам на бока,
Будешь ценные подарки
Слать мне из ЦК.

Завернешь в родную заводь —
И в Лох-Несс опять.
Монстрик создан, чтобы плавать,
А поэт — писать.

Я нижу за строчкой строчку,
Перед ним в долгу.
Все. На этом ставлю точку —
Больше не могу.

Рисунок Виктора Джеваги.